

На правах рукописи

АСЛАНЯН Руслан Георгиевич

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА**

**Специальность: 5.1.4. – Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук**

Краснодар, 2023

Работа выполнена на кафедре уголовного права и криминологии
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Кубанский государственный университет»

- Научный консультант:** **Коняхин Владимир Павлович**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
- Официальные оппоненты:** **Наумов Анатолий Валентинович**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации; главный научный сотрудник
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры
Российской Федерации»
- Кленова Татьяна Владимировна**
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовного права и
криминологии ФГАОУ ВО «Самарский
национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева»
- Бойко Александр Иванович**
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовно-правовых
дисциплин Южно-Российского института
управления – филиала ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации»
- Ведущая организация:** Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Всероссийский государственный
университет юстиции»

Защита состоится «30» июня 2023 г. в 10 ч. 00 мин. на заседании
диссертационного совета 24.2.320.07 по юридическим наукам, созданного на
базе Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Кубанский государственный
университет» по адресу: 350000 г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 43, ауд. 11.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Кубанский государственный университет»
(www.kubsu.ru).

Автореферат разослан «__» _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета 24.2.320.07
кандидат юридических наук, доцент

Лукожев Хусен Манаевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Вопросы внутреннего строения и внешней организации правовых предписаний, составляющих отрасль уголовного права, остаются крайне значимыми для развития уголовно-правовой науки, законотворческой и правоприменительной деятельности. Лейтмотивом едва ли не всех научных сочинений на протяжении последних двух десятков лет является тезис о том, что Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) в результате многочисленных его изменений и дополнений фактически утратил свойства системно организованного правового документа, содержит множество положений, противоречащих друг другу, вступающих в конфликт с теоретическими принципами правотворчества, допускающих в силу этого произвольное толкование и создающих в итоге существенные препятствия к правильному и единообразному применению закона. Все чаще специалистами озвучиваются идеи разработки новой редакции действующего уголовного закона или принятия нового Уголовного кодекса.

Такие оценки и предложения заслуживают самого серьезного внимания и вместе с тем нуждаются в дополнительной проверке с точки зрения научно обоснованных представлений об идеальной или оптимальной системе уголовного права. Любая трансформация уголовного закона, тем более глобально затрагивающая основы его строения, должна базироваться на прочном теоретическом фундаменте, обосновывающем совокупность идей и положений, определяющих согласованное мнение специалистов относительно содержания и структуры уголовно-правовых предписаний, их институционального строения, внутриотраслевых и межотраслевых связей, формальных источников выражения. При этом в силу специфики функционального назначения отрасли уголовного права такие представления должны в первую очередь отражать понимание системы нормативных предписаний ее Особенной части, которая образует содержательное ядро отрасли и обеспечивает связь уголовного права с криминологическими и иными условиями социальной действительности.

Система Особенной части уголовного права в самом общем виде представляет собой упорядоченную совокупность правовых предписаний, определяющих основания уголовной ответственности и пределы наказуемости тех или иных конкретных общественно опасных деяний. От того, насколько адекватны эти предписания реальным криминологическим угрозам, насколько точны и определены с точки зрения принципа законности, насколько согласованы между собой, а также с предписаниями Общей части уголовного права и положениями регулятивных правовых отраслей, зависят внутренняя устойчивость самой Особенной части, непротиворечивость и стабильность уголовного законодательства в целом и, как следствие, – эффективность правоприменительной практики в сфере противодействия преступлениям, степень реализации общепреventивного и воспитательного потенциалов уголовного права. Стройная и непротиворечивая теория Особенной части уголовного права создает также гарантии устойчивого перспективного развития

отрасли, ее оптимальную адаптацию к динамично меняющимся социальным и правовым условиям жизнедеятельности общества.

С учетом этих обстоятельств обращение на уровне самостоятельного исследования к проблемам анализа теоретических основ построения системы Особенной части российского уголовного права представляется вполне оправданным и закономерным.

Степень изученности темы. Проблемам надлежащей систематизации уголовно-правовых предписаний в современной науке уделяется серьезное внимание. Их обсуждению был посвящен II Российский конгресс уголовного права «Системность в уголовном праве» (МГУ им. М.В. Ломоносова, 31 мая – 1 июня 2007 г.). Они стали предметом анализа нескольких крупных монографических работ и диссертационных исследований (В.П. Коняхин, Н.И. Пикуров, А.И. Бойко, В.Д. Филимонов, М.С. Жук, А.В. Денисова). Между тем, очевидно, что этим социальный заказ на исследование системы уголовного права не может считаться выполненным окончательно или в полной мере. Необъятная по охвату и глубине тема имеет существенные резервы для продолжения научного анализа, в том числе в связи с объективно имеющейся неполнотой и пробельностью научного знания. В разряд таких «пробелов» следует отнести вопрос о структуре, строении и системных началах функционирования Особенной части уголовного права, методологических основаниях системы Особенной части, внутренней организации и внешнем выражении как отдельных предписаний, так и их системной совокупности.

Теоретические исследования системы Особенной части как некоего целого правового феномена, к сожалению, остаются все еще «слабым местом» российской правовой науки. Такое положение дел еще в начале прошлого столетия констатировал С.В. Познышев. Он писал: «К сожалению, в настоящее время Особенная часть представляется очень неразработанной и, может быть, понадобится еще целое поколение ученых, прежде, чем она достигнет всей желательной полноты и высоты развития. Этой неразработанностью и объясняется, что в курсах и очерках Особенной части господствующее место занимает положительное право»¹. Спустя более ста лет после этой нелестной оценки, ситуация слабо изменилась к лучшему. Теория Особенной части уголовного права по-прежнему нуждается в специальном и самостоятельном анализе.

Вопросы теоретического анализа Особенной части уголовного права справедливо отнести к той области юридической науки, которая привлекает неоправданно мало внимания со стороны специалистов. Несмотря на то что общая оценка состояния и эффективности уголовно-правового регулирования во многом основывается на характеристике положений именно Особенной части уголовного права, надежной теоретической основы построения и развития этого компонента отрасли еще не создано. Достаточным будет сказать в подтверждение, что в современной библиографии наличествуют лишь

¹ Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1909. – С. IX.

два монографических сочинения, специально посвященных теории Особенной части уголовного права, – работы В.Н. Сизовой и М.С. Кириенко². В остальном же усилия специалистов сосредоточены по преимуществу на изучении отдельных правовых предписаний или институтов Особенной части уголовного права, на вопросах квалификации преступлений, конкуренции уголовно-правовых норм, их межотраслевого согласования и взаимодействия. Это, вне сомнений, важные направления анализа, составляющие содержательное ядро науки Особенной части уголовного права. Вместе с тем нельзя не признать, что проблематика теории Особенной части, ее доктринального фундамента, все еще остается слабоизученной.

Между тем именно в этой области научного анализа должны быть выявлены и аргументированы важнейшие характеристики Особенной части уголовного права, понимание и соблюдение которых способно обеспечить столь необходимый в современных условиях согласованный и системный характер функционирования отрасли, его эффективность.

Объект диссертационного исследования составляет совокупность общественных отношений, связанных с генезисом, актуальным состоянием и перспективами развития системы Особенной части российского уголовного права.

Предмет диссертации образует комплекс теоретических и прикладных проблем, отражающих закономерности функционирования указанных отношений, в том числе:

- устоявшиеся методологические постулаты и развивающиеся положения общей теории права и отраслевой доктрины по поводу строения и системы Особенной части уголовного права;
- тенденции формирования и развития системы и структуры Особенной части уголовного права;
- источники и внешние формы выражения нормативных предписаний Особенной части уголовного права и их системы;
- внутри- и межотраслевые связи нормативных предписаний Особенной части уголовного права;
- пробелы и коллизии, относящиеся к составу и строению Особенной части уголовного права;
- юридико-технические условия эффективности деятельности по закреплению, толкованию и применению нормативных предписаний и институтов Особенной части уголовного права.

Цель исследования заключается в том, чтобы модернизировать методологические основы понимания Особенной части уголовного права и на этой базе разработать и обосновать отвечающую современным правовым стандартам эффективную концепцию ее внутреннего строения и внешних форм объективизации.

² Сизова В.Н. Система Особенной части российского уголовного законодательства. – М.: Юрлитинформ 2021; Кириенко М.С. Системный анализ Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. – М.: Юрлитинформ, 2018.

Задачи диссертационного исследования, последовательное решение которых позволяет достичь заявленной цели, состоят в следующем:

- уточнить и конкретизировать для целей познания Особенной части уголовного права методологические требования историко-правового метода исследования;

- вывить закономерности, тенденции и этапы формирования Особенной части современного отечественного уголовного права;

- модернизировать теоретические основы исследования материальных и формальных источников Особенной части уголовного права;

- определить понятие и установить формы выражения социальных источников Особенной части уголовного права;

- обосновать диверсифицированную систему формальных источников установления, конкретизации и толкования нормативных предписаний Особенной части уголовного права;

- адаптировать для целей исследования Особенной части уголовного права теоретическое учение о норме права и нормативном правовом предписании;

- исследовать структуру, логические и языковые формы выражения нормативного предписания Особенной части уголовного права;

- выявить виды нормативных предписаний Особенной части уголовного права, провести их классификацию;

- определить теоретические и методологические основы исследования институционального строения Особенной части уголовного права на основе конструкции «уголовно-правовая охрана»;

- охарактеризовать предметное содержание и внутреннее строение уголовно-правовых институтов Особенной части;

- провести систематизацию институтов Особенной части уголовного права;

- обосновать общие принципы взаимоотношения и взаимодействия Общей и Особенной частей уголовного права;

- на основе целевых и функциональных параметров охарактеризовать место и роль Особенной части уголовного права в системе права, правовой политики и социального управления.

Методологическая основа диссертационного исследования образована совокупностью современных философских, общенаучных и специально-юридических средств и способов познания, обеспечивающих объективность и всесторонность в изучении проблем построения Особенной части уголовного права.

Философскую базу диссертации составили категории и принципы диалектики, предъявляющей к процессу исследования социальных явлений требования всеобщей связи, логической определенности, исторической конкретности.

В исследовании использованы гносеологические возможности таких методов, как:

- системный, предполагающий исследование Особенной части уголовного права как системы в единстве образующих ее компонентов и их связей как между собой, так и с внешней социальной средой;

– структурно-функциональный, ориентированный на познание отдельных элементов структуры Особенной части уголовного права и их функций, удовлетворяющих потребностям системы права;

– институциональный, призванный осмыслить уголовное право с точки зрения юридически должного образования норм и институтов, адекватно отражающих качественную характеристику уголовно-правовых отношений;

– холистский, рассматривающий «целое» (уголовное право в целом) в качестве первоочередного и приоритетного по отношению к своим «частям» (нормам и институтам);

– интервальный, признающий ограниченные возможности любой исследовательской методологии в познании сложных объектов и допускающий непротиворечивый синтез различных подходов к их познанию в пределах имеющихся познавательных «интервалов».

Их категории («цель», «функция», «модель», «структура», «система», «элемент», «оптимальность», «закономерность», «движение» и др.) позволили рассмотреть систему Особенной части уголовного права в единстве образующих ее компонентов и в качестве элемента общего механизма правового и социального управления; в качестве итога и одновременно этапа закономерного развития уголовного права; в контексте неразрывного единства внутреннего содержания и внешних форм выражения нормативных правовых предписаний.

В ряду частно-правовых исследовательских методов в работе применялись историко-правовой, документальный, формально-логический, статистический методы, метод экспертного опроса, контент-анализ.

Нормативную основу диссертации образуют: Конституция РФ; общепризнанные принципы и нормы международного права, выступающие частью российской правовой системы (в том числе закрепленные во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах человека и др.); нормы российского охранительного (УК РФ, КОАП РФ, УИК РФ, УПК РФ) и регулятивного законодательства, определяющие предпосылки, основания и пределы уголовной ответственности; нормативные документы, определяющие организационный порядок правотворческой деятельности. Сравнительно-правовое направление исследования обеспечено изучением уголовного законодательства целого ряда зарубежных стран (Беларусь, Казахстан, Грузия, Франция, Швейцария, Испания, США и др.).

Эмпирическая база диссертационного исследования включает в себя:

– итоги изучения текстов современных и действовавших ранее уголовных законов, а также проектов уголовных законов, поскольку именно они отражают содержание, внутреннее строение и связь уголовно-правовых предписаний Особенной части с иными правовыми предписаниями;

– результаты анализа законотворческой деятельности Государственной Думы Федерального Собрания РФ (68 нереализованных или находящихся на стадии рассмотрения законопроектов по вопросам совершенствования уголовного законодательства);

– материалы изучения правовых позиций Конституционного Суда РФ, отраженных в его постановлениях и определениях (всего 35 документов) по вопросам конституционности положений уголовного закона, определяющих основания и пределы уголовной ответственности, а равно основные принципы реализации уголовной ответственности;

– итоги анализа конкретизирующей и толковательной деятельности высшей судебной инстанции, отраженные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ (14 документов), уточняющие и развивающие представления об отдельных уголовно-правовых предписаниях и институтах;

– результаты обобщения опубликованной судебной практики Верховного Суда РФ (160 постановлений Президиума и определений Судебной коллегии Верховного Суда РФ по уголовным делам), обзоры кассационной и надзорной практики Верховного Суда РФ (1997–2022). Преимущественно теоретический характер работы определил выборочное обращение к материалам судебной практики, которая используется в диссертации при анализе частных вопросов применения уголовного закона;

– материалы контент-анализа научных публикаций по проблемам систематизации российского права в целом, а также по вопросам строения и систематики Особенной части уголовного права, представленных на страницах юридической печати, прежде всего в период обсуждения крупных уголовно-правовых реформ, а также на II Российском конгрессе уголовного права «Системность в уголовном праве» (31 мая – 1 июня 2007 г.), XIII Российском конгрессе уголовного права «Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения» (26–27 мая 2022 г.);

– результаты опроса специалистов в области уголовного права: преподавателей юридических вузов и практикующих сотрудников правоохранительных органов, судей (всего – 284 чел., опрошенных в Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области, Республике Адыгея, Москве и Санкт-Петербурге).

Теоретическая основа диссертации представлена базовыми положениями отечественной правовой доктрины, в том числе:

– учением о системе права и строении его отраслей, разработанным С.С. Алексеевым, В.К. Бабаевым, М.Л. Давыдовой, О.С. Иоффе, Н.М. Коркуновым, Г.В. Мальцевым, М.Н. Марченко, В.С. Нерсесянцем, В.М. Сырых и др.;

– отраслевым учением о системе уголовного права, строении уголовно-правовых предписаний, норм и институтов, развитым в работах А.И. Бойко, А.В. Денисовой, А.Э. Жалинского, Т.В. Кленовой, В.П. Коняхина, Н.А. Лопашенко, В.В. Мальцева, А.В. Наумова, Н.И. Пикурова, Ю.Е. Пудовочкина, Э.С. Тенчова, В.Д. Филимонова и др.;

– доктринальными наработками в области исследования истории уголовного права (А.А. Арямов, А.А. Рожнов и др.), отраслевых источников права (О.Н. Бибик, К.В. Ображиев и др.), законодательной техники в уголовном праве (К.К. Панько, С.С. Тихонова и др.).

Научная новизна исследования состоит в разработке и аргументации на основе модернизации методологического потенциала отрасли перспектив-

ной концепции системного строения и внешнего выражения нормативных предписаний Особенной части уголовного права.

Приращение научного знания о системе Особенной части уголовного права достигается, в частности:

- модернизацией теоретико-методологических подходов к историческому анализу Особенной части уголовного права, которая заключается в уточнении и конкретизации направления, предмета, источников и хронологии историко-правового анализа;

- авторской периодизацией истории формирования и развития Особенной части, учитывающей в качестве критериев одновременно и основные этапы истории государства, и специфику выражения уголовно-правовых предписаний Особенной части в структуре уголовного закона;

- установленными исследованием основными направлениями и закономерностями развития Особенной части уголовного права, отражающими динамику источников (форм) права, содержания уголовных законов и принципов их построения;

- результатами анализа и оценки основных направлений развития теоретических дискуссий о существовании, строении и значении Особенной части уголовного права;

- модернизацией и конкретизацией для целей познания Особенной части уголовного права общего учения об источниках права, которая заключается в уровневой систематизации последних;

- разработкой понятия и системы форм выражения социальных источников уголовно-правовых предписаний;

- результатами дифференцированного анализа и систематизации источников установления, конкретизации и толкования уголовно-правовых предписаний;

- совершенствованием методологических основ понимания уголовно-правовой нормы и уголовно-правового предписания, авторским подходом к пониманию механизма образования и применения уголовно-правовой нормы;

- дополнительными аргументами в пользу необходимости систематизации уголовного права исключительно на основе концепта «нормативное предписание»;

- уточнением содержания и структуры нормативного предписания Особенной части уголовного права; результатами анализа логической и языковой формы выражения нормативного предписания Особенной части уголовного права;

- уточненными параметрами классификации уголовно-правовых предписаний Особенной части уголовного права на основе выявления их типичных и нетипичных признаков; выявленными закономерностями формирования нетипичных нормативных предписаний Особенной части уголовного права.

- обоснованием необходимости диверсификации методологических основ познания институтов уголовного права и результатами адаптации для этих целей методологии институционального анализа права;

- совершенствованием теоретических представлений об институте

Особенной части уголовного права как системе нормативных предписаний и правовых принципов, адекватных юридической конструкции уголовно-правовой охраны;

– обоснованием перспективной возможности признания институтом Особенной части уголовного права предписаний и принципов, охватывающих своим содержанием положения уголовного и административно-деликтного законодательства;

– итогами анализа проблем классификации институтов Особенной части на охранительные и функциональные, соотношенной с функциональными характеристиками отрасли уголовного права; аргументацией необходимости корреляции между критерием предметной градации институтов Особенной части и их классификацией по степени нормативного обобщения;

– определением критериев обособления субинститутов в рамках отдельных охранительных институтов Особенной части уголовного права;

– итогами применения холистского подхода к анализу системы Особенной части уголовного права в качестве неотъемлемой части системы социального управления;

– обоснованием инструментального подхода к исследованию проблем взаимосвязи Общей и Особенной частей уголовного права, учитывающего целевое и функциональное назначение этих структурных компонентов отрасли;

– оценкой современного состояния асистемности Особенной части уголовного права как свидетельства неадекватности правовых конструкций основания и пределов наказуемости потребностям противодействия преступности;

– установленными и охарактеризованными связями между актуальными направлениями уголовной политики и систематизацией нормативных предписаний в Особенной части уголовного права.

Положения, выносимые на защиту:

1. Повышение результативности историко-правового анализа Особенной части уголовного права предполагает модернизацию методологических подходов к ее изучению. Актуальные и значимые для перспективного развития теории и практики результаты могут быть получены на основе сочетания диахронического и ситуационного подходов к исследованию истории права. Диахронический анализ внешних форм выражения и систематизации уголовно-правовых норм, предполагающий изучение наиболее содержательных, вековых источников уголовного законодательства и достижений уголовно-правовой доктрины, должен органично дополняться применением всей совокупности догматических, социологических и сравнительных методов в рамках историко-ситуационного подхода к исследованию уголовного права.

2. В истории Особенной части уголовного права оптимально выделить следующие этапы: 1) X–XVIII века – период накопления нормативного материала, характеризующий зарождение Особенной части; 2) 1813–1845 гг. – период обособления Особенной части в структуре уголовного права; 3) 1845–1917 гг. – период развития Особенной части в системе уголовного права; 4) 1917–1922 гг. – инволюционный период, характеризующийся деинституционализацией Особенной части; 5) 1922 г. – по настоящее время – период возрождения и развития

Особенной части в качестве элемента системы уголовного права.

3. Основные направления и закономерности эволюции Особенной части уголовного права в период ее формирования в качестве самостоятельной структурной единицы уголовного закона заключались: а) в переходе от обычаев к закону как форме репрезентации уголовно-правовых запретов, вычленении категории «судебный обычай» и отнесении его к разряду дополнительных, конкретизирующих источников уголовного права; б) в переходе от межотраслевых, сборных законодательных актов к системе отраслевых уголовных законов, которая включала общий кодифицированный акт и ряд дополнительных уголовных законов; в) в переходе от уголовных законов, создаваемых для нужд различных юрисдикций и судебных установлений, к единому уголовному кодексу; г) в переходе от институционного строения уголовного закона к структуре, сочетающей пандектный принцип, предполагающий самостоятельное позиционирование Особенной части как элемента уголовного закона, и институционный принцип построения самой Особенной части.

4. Теория источников Особенной части уголовного права включает в себя три основных блока: учение о субъектах правотворчества в федеральном правовом государстве, учение о социальных факторах правообразования, учение о формах выражения правовых предписаний. Последовательный анализ проблемы источников Особенной части уголовного права в контексте этих трех компонентов теории позволяет признать, что формальный источник нормативных предписаний Особенной части – это созданный государством на федеральном уровне, выражающий в сфере публичных отношений волю народа правовой акт, который содержит предписания, специально предназначенные для регулирования уголовно-правовых отношений, и рассчитан на возможность применения к неопределенному кругу лиц. Базовое противоречие теории источников Особенной части уголовного права – между полиисточниковым характером отрасли уголовного права и конституционным правилом ограничения прав и свобод исключительно федеральным законом – может быть эффективно разрешено за счет организации системных связей между уровнями правового регулирования и формами источников права. С учетом этого обстоятельства систему формальных источников Особенной части уголовного права образуют правовые акты установления, конкретизации и толкования уголовно-правового предписания об основаниях и пределах ответственности за конкретное преступление.

5. Взаимосвязь уголовно-правовых предписаний с внешней социальной средой развивается дифференцированно: по линии детерминации и по линии обеспечения инфраструктуры их реализации. Детерминирующие уголовно-правовые предписания социальные источники отрасли всегда преломляются общественным сознанием и имеют внешнюю форму объективизации в виде оценочных суждений о наличии криминальных рисков для нормального развития той или иной сферы общественных отношений. Система форм выражения социальных источников включает в себя доктринальные, общественно-политические, политико-правовые и правовые документы, которые совокупно создают систему научных оценок текущей и прогностической соци-

альной ситуации, обуславливающих необходимость (или возможность) эффективной охранительной реакции со стороны государства. Существенным пробелом в номенклатуре этих источников следует признать отсутствие официальной политико-правовой концепции уголовно-правового регулирования.

6. Оптимальная модель системы формальных источников Особенной части уголовного права может быть образована двумя группами документов. Первую составляют нормативные источники, которые представлены (а) правовыми актами установления уголовно-правового запрета (Уголовный кодекс и, с учетом концепта уголовно-правовой сферы, Кодекс об ответственности за преступные деяния небольшой степени опасности) и (б) источниками конкретизации запрета (постановления Правительства РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ). Вторую группу составляют ненормативные источники, которые представлены (а) актами необязательного (доктринальные документы, акты неуполномоченных на толкование государственных органов, определения Верховного Суда РФ) и (б) обязательного (решения Конституционного Суда РФ и постановления президиума Верховного Суда РФ) толкования.

7. Уголовно-правовая норма как целостное правило, устанавливающее пределы и возможности применения государственного принуждения к лицу, совершившему преступление, является логической конструкцией, результатом интеллектуально-познавательной деятельности правоприменителя и конструируется им на основе отдельных уголовно-правовых предписаний, выраженных в различных источниках уголовного права. Норма уголовного права в таком качестве не может служить исходным элементом отрасли уголовного права, основанием его структурирования и систематизации. Начальным звеном системы уголовного права выступает исключительно уголовно-правовое предписание.

8. Нормативное предписание Особенной части уголовного права, будучи центральным элементом уголовно-правовой нормы, определяет ее структуру и содержание наряду с иными нормативными предписаниями. Предписание Особенной части уголовного права представляет собой выраженное в тексте закона логически завершенное суждение законодателя, которое структурно включает в себя гипотезу, описывающую основания применения мер уголовно-правового принуждения, и диспозицию, определяющую пределы наказуемости преступления.

9. Классификация нормативных предписаний Особенной части уголовного права в зависимости от их соответствия эталонным признакам включает типичные и нетипичные предписания; последние, в зависимости от функциональной роли в обеспечении системности уголовного права, включают системосохраняющие и системоразвивающие; в зависимости от соответствия общим признакам предписания – временные, выраженные в иных, кроме уголовного закона, источниках, имеющие нестандартные логико-грамматические формы выражения. Закономерное развитие множества нормативных предписаний Особенной части уголовного права подчинено тенденции увеличения в структуре права нетипичных предписаний, что отража-

ет процессы специализации и детализации предписаний общего характера, а равно их приспособления к условиям неопределенности социальной среды.

10. Методологические основы анализа уголовно-правовых институтов требуют признания ограниченных возможностей юридического позитивизма и применения в допустимых интервалах методологических возможностей иных теорий права и подходов к его исследованию. Широкие перспективы в этом случае открывает институциональный подход, в рамках которого формирование уголовно-правовых институтов и уголовного права может мыслиться как двуединый процесс, с одной стороны, дифференциации общего массива правовых предписаний и выделения, исходя из функционального предназначения, группы предписаний уголовно-правового содержания; с другой стороны, интеграции на основе общности предмета и метода всех уголовно-правовых институтов в рамки единого отраслевого массива. Такая логика формирования уголовного права позволяет в эволюционном отношении выделить первичные уголовно-правовые институты – институты Особенной части, которые формируются путем обособления уголовно-правовых комплексов от общего массива правовых норм на основе критерия сформированности того социального института, который они призваны защищать; и вторичные институты – институты Общей части, которые формируются в процессе функционирования уголовного права как социального института путем выделения общих предписаний из массива уголовно-правовых норм на основе такого критерия, как участок, сторона, компонент собственно уголовно-правового отношения или уголовно-правового метода.

11. Для познания юридического содержания института Особенной части уголовного права целесообразно совместить потенциал позитивистского и институционального подходов к праву. С учетом их методологических требований уголовно-правовой институт может быть определен как системное образование, включающее в свое содержание нормативные правовые предписания и правовые принципы, объективированные в различных отраслевых источниках уголовного права (в том числе исходя из признания единства уголовного и административно-деликтного права, – в законодательстве об ответственности за административные правонарушения), которые объединены на основе юридической конструкции «уголовно-правовая охрана». Именно эта конструкция обеспечивает обособление нормативных предписаний Особенной части в рамках отдельных институтов, исходя из особенностей объекта охраны и вида, совершаемых в отношении него посягательств, и одновременно гарантирует важное свойство системности уголовного-правового института, с учетом полноты отражения и степени соответствия нормативных предписаний тем криминальным угрозам, которые существуют в обществе для охраняемого объекта.

12. В основу систематизации институтов Особенной части уголовного права должны быть положены представления о функциональном назначении отрасли. Охранительная роль уголовного права предопределяет базовую структуру системы институтов Особенной части, которую образуют предметные правоохранительные институты, различающиеся по признаку непо-

средственного объекта уголовно-правовой охраны. Эти институты могут различаться по степени нормативного обобщения, причем такая градация должна соответствовать родо-видовым отношениям между объектами уголовно-правовой охраны. В рамках охранительных институтов на основе признаков видового состава преступления возможно выделение отдельных субинститутов. Регулятивные функции Особенной части предполагают развитие в ней системы функциональных институтов дифференциации уголовной ответственности и поощрения позитивного постпреступного поведения.

13. Общность институтов Особенной части уголовного права являет собой систему, которая демонстрирует наличие связей с иными внутриотраслевыми, межотраслевыми правовыми образованиями, внешней социальной средой, а также между отдельными структурными элементами самой системы институтов Особенной части. Для системы институтов Особенной части не характерны иерархические связи субординации, но свойственны: а) структурные связи, в силу которых структура Особенной части должна коррелировать системе охраняемых социальных институтов, обеспечивая собственную полноту и беспробельность; б) координирующие связи, которые обеспечивает эластичность системы, ее способность приспособляться к изменяющимся внешним условиям, компенсировать содержательные колебания в отдельных институтах.

14. Особенная часть уголовного права как элемент системы социального и правового управления обществом представляет собой систематизированное множество отвечающих требованиям правовой определенности нормативных предписаний, в исчерпывающем и актуальном состоянии полностью выраженных в Особенной части УК РФ, которые, определяя основания и меры уголовной ответственности за конкретные виды противоправного поведения, обеспечивают правовую охрану сложившихся в обществе и подтвержденных правом баланса и иерархии конституционных ценностей. Как часть системы социального управления уголовное право имеет общие с ней целевые и ценностные параметры, что предопределяет необходимость корректировки приоритетов уголовно-правовой охраны; как часть системы правового управления уголовное право обладает признаками субсидиарности и акцессорности, что предполагает возможность конструирования уголовно-правового запрета только после предварительного позитивного урегулирования поведения граждан в той или иной области социальных отношений; как часть системы охранительного публичного права уголовное право обеспечивает защиту только от тех нарушений, которые требуют самой суровой правовой реакции, что предполагает разграничение уголовного права и административно-деликтного права на основе параметров наказуемости правонарушений; как элемент уголовного права Особенная часть ориентирована на выполнение гарантийной функции, что требует правовой определенности, актуальности и исчерпывающего перечня нормативно-правовых предписаний.

15. Взаимосвязь предписаний Общей и Особенной частей уголовного права определяется системосохраняющей функцией Общей части, инструментом реализации которой выступают правовые конструкции основания уголовной ответственности и пределов наказуемости преступления. Нарас-

тающая асистемность уголовного права в значительной степени вызвана стремлением законодателя компенсировать или преодолеть те ограничения и пробелы, которые заложены в этих правовых конструкциях и которые не в полной мере соответствуют реализуемой в стране уголовной политике, требуют корректировки на основе модернизированной теоретической концепции уголовного права.

16. Систематизация нормативных предписаний Особенной части не должна восприниматься исключительно как техническое решение вопросов внешней формы уголовного права. Она имеет глубокую предопределенность основными направлениями уголовной политики страны и, согласно логике обратной связи, может влиять на содержание реализуемого уголовно-политического курса. Использование внешней формы Особенной части уголовного права для оптимизации уголовной политики на современном этапе должно включать в себя: а) развитие системы дефинитивных предписаний в Особенной и Общей частях уголовного права для целей ограничения судебного усмотрения; б) детализацию в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ полного списка бланкетных источников применительно к каждой разъясняемой норме; в) размещение квалифицирующих признаков, общих для некоторой группы преступлений, в отдельной статье в начале главы Особенной части в целях обеспечения системности дифференциации уголовной ответственности; г) создание в пределах глав Особенной части УК РФ двух отделений – об ответственности за преступления и об ответственности за проступки – в целях дифференциации публичных правонарушений; д) детализацию содержания правоохраняемых благ и дробление в соответствии с этим глав Особенной части в целях использования способностей объекта уголовно-правовой охраны выполнять функцию ограничителя пределов криминализации; е) изменение порядка расположения разделов в Особенной части уголовного права в целях оптимального отражения приоритетов уголовно-правовой охраны.

Теоретическое значение результатов диссертационного исследования заключается в том, что они восполняют ощутимый пробел в юридической науке, связанный с познанием теоретических основ построения Особенной части уголовного права. В работе представлена научная концепция строения системы нормативных предписаний Особенной части уголовного права, которая учитывает эволюционный опыт ее формирования и способна служить методологической основой для дальнейшего перспективного развития отрасли.

Исследование подтвердило познавательную ценность методологического подхода, базирующегося на принципах методологического плюрализма, в объяснении механизма формирования уголовно-правовых предписаний, их внешнего выражения в источниках права, внутриотраслевой систематизации и места в системе социо-нормативных регуляторов общественных отношений.

Предложенное понимание закономерностей и тенденций развития нормативных предписаний Особенной части уточняет сложившиеся представления об эволюции отрасли уголовного права. Выводы относительно содержания, структуры и видов нормативных предписаний и институтов Особенной части уголовного права развивают теоретическое знание о системе уголовно-

го права, его строения и межотраслевых связях. Положения работы о механизме формирования и применения правовых предписаний Особенной части уголовного права совершенствуют развитие учения о социальных и формальных отраслевых источниках. Установленные исследованием взаимосвязи содержания и системы Особенной части уголовного права с уголовной политикой государства способствуют приращению научного знания о роли и месте права в системе социального управления.

В целом работа углубляет и развивает такие разделы уголовно-правовой доктрины, как история уголовного права, система уголовного права, межотраслевые связи уголовного права, источники уголовного права, законодательная техника в уголовном праве, тем самым проведенное исследование способствует развитию уголовно-правовой науки в целом.

Прикладное значение диссертации состоит в том, что сформулированные в ней выводы, предложения и рекомендации:

- укрепляют теоретико-методологические основы воссоздания, сохранения и развития системных параметров уголовного права в современных условиях нестабильности и противоречивости уголовно-правового нормотворчества;

- служат проверенной и надежной информационной базой данных для органов государственной власти в их работе по совершенствованию Особенной части уголовного законодательства;

- могут быть использованы в образовательном процессе при преподавании курсов уголовного права, уголовной политики, истории уголовного права, а также в работе по повышению квалификации сотрудников судебных, правоохранительных и административно-управленческих органов.

Достоверность и апробация основных выводов исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в 52 научных публикациях, в том числе, в 4 монографиях, 27 статьях в изданиях, входящих в перечень ВАК при Минобрнауки России, и 4 статьях в журналах, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования. Сформулированные концептуальные положения стали предметом обсуждения на 19 научных форумах международного и всероссийского уровней, в том числе: Международной научно-практической конференции «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение (к 170-летию со дня принятия)» (Геленджик, 2015); Шестой Международной научно-практической конференции «Современные проблемы уголовной политики» (Новороссийск, 2015); Третьей Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (Москва, 2016); Третьей очной Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью» (Краснодар, 2018); Международной научно-практической конференции «Юридический факультет Кубанского государственного университета: 60 лет служения науке и практике» (Краснодар, 2018); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Прогресс и

преимущество в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.)» (Краснодар, 2021); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики-2021» (Ростов-на-Дону, 2021); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «30 лет юридической науки КубГАУ» (Краснодар, 2021); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: «Уголовный закон: алгоритм и стратегия развития (к 100-летию УК РСФСР 1922 г. и 50-летию кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета)» (Краснодар, 2022); XIII Российском конгрессе уголовного права «Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения» (Москва, 2022); Втором Ярославском юридическом форуме в рамках Международной научно-практической конференции «Уголовно-правовые противодействия служебным, экономическим и иным преступлениям: современное состояние и пути оптимизации (к 150-летию со дня рождения профессора В.Н. Ширяева)» (Ярославль, 2022); VI очно-заочной Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью» (Краснодар, 2022); X Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона (Москва, 2022) и др.). Отдельные результаты исследования используются в практической деятельности, а также в учебном процессе при проведении занятий по курсам «Уголовное право Российской Федерации», «Актуальные проблемы уголовного права», «Квалификация преступлений» и смежным с ними спецкурсам.

Структура работы определяется ее целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, объединяющих 15 параграфов, заключения, списка использованной литературы из 759 наименований и 2 приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность темы исследования, степень ее научной разработанности; определяются объект, предмет, цели и задачи диссертации; дается обзор нормативных, теоретических и эмпирических источников работы; выявляются методологические подходы к их анализу; формулируются положения, выносимые на защиту; устанавливается их теоретическая и прикладная ценность; приводятся сведения об апробации результатов диссертации.

Глава 1. «Историко-правовой анализ формирования и развития Особенной части российского уголовного права» посвящена исследованию проблем эволюции Особенной части уголовного закона как внешней формы выражения правовых запретов.

В **§ 1 «Теоретико-методологические основы историко-правового анализа системы Особенной части уголовного права»** определяются исходные принципы и установки исторического исследования. Отдельное внимание уделено обоснованию предмета историко-правового анализа Особенной части уголовного права. Формулируются три теоретические установки:

1. Признается возможным ограничение анализа истории Особенной части лишь теми элементами уголовно-правовой действительности, которые имеют к ней прямое отношение, а именно текстом закона и научными дискуссиями о систематизации уголовно-правовых предписаний; при этом аргументирована целесообразность оперирования только теми документами, которые имеют подчеркнута уголовно-правовое, а не историческое, значение, отражают фундаментальные характеристики отрасли, определяющие ее движение и развитие.

2. Аргументируется принципиальная возможность использовать понятие «Особенная часть уголовного права» при исследовании тех исторических памятников, которые формально ее не содержали, то есть подходить с современных позиций к анализу прошлого; при этом предлагается трактовать это понятие с учетом и в контексте тех конкретно-исторических условий, в которых происходило формирование и развитие Особенной части уголовного права.

3. Отмечается, что исследование истории Особенной части не может предполагать детализированное изучение содержания норм об ответственности за то или иное преступление, оно в значительно большей степени ориентировано на познание формы их отражения и закрепления в законе. Методологически важное значение в данном случае приобретает понимание диалектической связи между формой и содержанием. За внешней формой закрепления, структуризации, систематизации норм Особенной части уголовного права кроется не только собственно уголовно-правовое, но и политико-правовое, и шире – социально-политическое содержание, ибо эта форма отражает как непосредственное содержание уголовно-правовых запретов, так и отношение к ним со стороны правотворческих органов и правовой доктрины, которое в свою очередь определяется широкой палитрой оснований – от политических задач сдерживания преступности до восприятия права как средства их решения.

В работе обоснованы хронологические рамки исторического наблюдени-

ния и периодизация истории Особенной части. Утверждается, что в истории Особенной части уголовного права можно выделить следующие этапы: 1) X–XVIII вв. – период зарождения Особенной части, характеризующийся накоплением нормативного материала; 2) 1813–1845 гг. – период обособления Особенной части в структуре уголовного права; 3) 1845 – 1917 годы – период развития Особенной части в системе уголовного права; 4) 1917–1922 гг. – инволюционный период в истории уголовного права, характеризующийся деинституционализацией Особенной части; 5) 1922 г. – по настоящее время – период возрождения и последующего развития Особенной части в качестве элемента системы уголовного права.

В § 2 «Становление и структурное обособление Особенной части российского уголовного права в период X – начала XX века» внимание сосредоточено на анализе таких проблем, как: 1) соотношение закона и иных форм выражения уголовно-правовых предписаний; в) виды и система уголовных законов; 3) систематизация уголовно-правовых предписаний и формирование институтов Особенной части.

1. Отмечается, что по мере сжатия зоны общественного согласия, которая поддерживала силу обычая, его юридическая сила уменьшалась, требовались иные инструменты социального администрирования, в качестве которых активной стало использоваться «княжое право». С зарождением письменного права сам обычай отчетливо распадается уже на два неравноценных в уголовно-правовом смысле вида: (а) «народный обычай», который с появлением писаных актов утрачивает свойство репрезентации уголовно-правовых норм, и (б) «юридический» или «судебный» обычай, который становится важным средством развития, конкретизации и дополнения системы писаного права. В середине XVI в. судебный обычай был лишен статуса формы права, определяющей преступность и наказуемость деяний, но сохранил свое значение вплоть до настоящего времени в качестве правоприменительного образца.

2. История нормативных актов как форм выражения Особенной части уголовного права анализируется в работе в двух направлениях, которые восходят, с одной стороны, к эволюции понятия преступления и юрисдикции государства по уголовным делам, а с другой стороны – к видам и системе собственно уголовных законов.

Первое направление исторически предопределено тем, что значительный объем «права на наказание» принадлежал в России не только государству, но и иным субъектам. Нормативные акты, определяющие область церковной, помещичьей юрисдикции, составляют особый «срез» уголовного права, формально обособленный от «общих» уголовно-правовых предписаний. Однако генеральная линия развития Особенной части уголовного права состояла, во-первых, в самостоятельном формировании именно государством номенклатуры правонарушений, даже в ситуации признания «карательной власти» отдельных социальных институтов, а во-вторых, в ограничении самой области «иной» юрисдикции за счет расширения предметной подсудности государственных (общих) судов. В конечном счете это привело к форми-

рованию единой и единственно возможной в стране системы уголовно-правовых запретов.

Второе направление истории собственно уголовных законов позволяет выявить две значимые тенденции. Первая состоит в развитии их отраслевой специализации. Первые памятники права являли собой синкретичные документы, содержательно охватывающие нормы, относящиеся к разным сферам правоотношений. Конец эпохи межотраслевых сборников законов положили Воинские артикулы 1716 г. – первый собственно уголовно-правовой кодифицированный акт. Вторая тенденция развития отраслевых законов состоит в том, что на всем протяжении истории единый кодифицированный уголовный закон сосуществовал со множеством иных, не инкорпорированных в кодекс актов. В связи с этим и система Особенной части уголовного права никогда не выражалась в полном объеме в главном уголовном законе.

3. При обращении к вопросу о внутренней систематизации уголовно-правовых предписаний Особенной части уголовного права выделено два основных направления анализа. Во-первых, классификация преступлений, вытекающая из положений уголовного законодательства, а во-вторых, систематизация самих уголовно-правовых норм Особенной части уголовного права. Исследованием установлена следующая динамика нормативной систематизации предписаний Особенной части: в ранних памятниках права складывалась, по большей части, инстинктивная группировка норм без выделения законодательных рубрик; в Соборном Уложении был отчетливо выражен опыт нормативной структуризации текста с попыткой соотнести элементы структуры закона с элементами системы Особенной части, в Воинских артикулах наблюдается первый, вполне заверченный опыт полного отражения системы Особенной части в структуре нормативного правового акта. Именно в этом памятнике впервые уголовное право было полноценно представлено в качестве институциональной системы и была создана платформа для последующего формирования системы институтов Особенной части уголовного права в рамках пандектной системы права.

В § 3 «Развитие Особенной части российского уголовного права в XX столетии» исследуется процесс дальнейшего развития этой структурной единицы отрасли в советское время.

Отмечается, что «революционное строительство» уголовного права «нового образца» шло по нескольким направлениям: 1) интенсивное формирование уголовно-правовых запретов без особого внимания к разработке проблем Общей части уголовного права; 2) определение соотношения между нормативными актами и иными формами выражения уголовно-правовых запретов, в качестве которых особое место занимало «революционное правотворчество масс», воплощавшееся в местных уголовно-правовых инструкциях, составлявших основу функционирования местных судов; 3) развитие Особенной части уголовного права в процессе нормотворчества центральной власти и укрепления «социалистической законности».

Нормотворчество новой власти в сфере уголовного права было весьма активным, при этом все постановления могут быть разбиты на три группы: 1)

нормативные акты, посвященные организации деятельности судов и революционных трибуналов, которые описывали предметную юрисдикцию судебных и квазисудебных учреждений; 2) декреты, в которых определились меры государственного строительства, экономического и социального регулирования, где предусматривались, среди прочих, нормы уголовного права, устанавливающие наказуемость невыполнения предписанных мер; 3) декреты, специально посвященные регулированию ответственности за те или иные преступления. Анализ свидетельствует, что за первые несколько лет существования советского государства история Особенной части уголовного права по форме выражения нормативных предписаний воспроизвела весь прежний цикл развития, двигаясь от обычаев к закону и от комплексных законов к специализированным.

Закономерным шагом на пути развития должен был стать вопрос о систематизации разрозненных уголовно-правовых норм в рамки единого специализированного закона, который после неудачного опыта разработки Уголовного уложения 1918 г. стал серьезно обсуждаться в 1920 г. В работе исследовано содержание проектов первых уголовных кодексов и широкой научной дискуссии о возможности создания уголовного кодекса «без Особенной части и без дозирования» (Н.В. Крыленко), показана критика этого проекта; отмечено, что, выбрав цивилизационно оправданный путь построения уголовного закона с Особенной частью, государство и представители научной общественности предприняли значительные усилия по конструированию и систематизации уголовно-правовых запретов, разрабатывая кодексы 1922 г. и 1926 г.

Нормативное решение принципиальных вопросов формирования и строения Особенной части уголовного права на фоне стабилизации общей политической обстановки в стране открыло путь к научному осмыслению проблем строения уголовного права, конструирования и применения уголовно-правовых норм. В работе выделено два направления развития науки. Первое состояло в разработке учебных пособий по Особенной части уголовного права, в которых определялись исходные уголовно-политические установки для ее оценки и излагались начала построения ее системы. Второе заключалось в предметной разработке вопроса о системе уголовного права и принципов систематизации уголовно-правовых предписаний, что было связано с подготовкой проекта УК СССР 1939 г., а затем и УК РСФСР 1960 г. В содержательном отношении дискуссия об Особенной части уголовного права разворачивалась в трех основных направлениях: а) о критериях систематизации преступлений; б) об отнесении того или иного преступления к той или иной классификационной группе; в) о номенклатуре самих групп преступлений и выделяемых в соответствии с ней глав уголовного закона. В работе раскрывается содержание каждого из этих направлений, показано их значение для определения теоретического фундамента разработки действующего уголовного законодательства.

Глава 2. «Источники Особенной части российского уголовного права» посвящена исследованию вопроса о социальных и формальных источниках нормативных предписаний Особенной части уголовного права.

В § 1 «Теоретико-методологические основы исследования источников Особенной части уголовного права» последовательно доказывается, что:

– открытость и полицентричность теории источников права требует логически непротиворечивого, системного и не оторванного от реальности сочетания различных взаимодополняющих интерпретаций, заданных плюралистической методологией, сочетающей на основе принципа дополнительности позитивистское правопонимание с иными подходами к праву;

– термин «источник права» является полисемичным. В связке с термином «Особенная часть уголовного права» он может использоваться для обозначения: а) субъекта права, то есть той силы, которая продуцирует правовые предписания; б) факторов, определяющих необходимость правовых предписаний и их содержание; в) документов, в которых закреплены предписания права;

– источником российского уголовного права, в смысле силы, творящей уголовно-правовые предписания, может выступать только государство в лице его федеральных органов, выражающих в сфере публичных отношений уголовно-правовую волю народа, в связи с чем международное сообщество и государственно-правовые образования в составе России не могут выступать авторами уголовно-правовых предписаний Особенной части уголовного права;

– источником российского уголовного права, определяющим необходимость конструирования и содержания уголовно-правовых предписаний его Особенной части, выступают социальные факторы объективного и субъективного порядка, учет которых в процессе формирования государственной уголовно-правовой воли обеспечивает надлежащее качество уголовно-правовых норм;

– источником уголовного права в смысле форм объективизации его нормативных предписаний выступают исключительно правовые документы, содержащие уголовно-правовую информацию, рассчитанную на обязательное и многократное использование адресатами уголовно-правовых норм. Признание полиисточникового характера отрасли уголовного права актуализирует вопрос об идентификационных признаках источников Особенной части уголовного права. К числу таковых в работе относятся: а) уголовно-правовая релевантность, т.е. специальная предназначенность для регулирования уголовно-правовых отношений; б) нормативность, т.е. правовая возможность применения к неопределенному кругу лиц; в) авторство, т.е. признание государства единственным творцом источника;

– значимое противоречие теории формальных источников уголовного права состоит в том, что хотя источником ограничения прав человека может быть только и исключительно закон, ни один закон не содержит в себе достаточной информации для принятия решения об ограничении прав человека. Его разрешение требует упорядочения представлений о специфике уголовно-правового регулирования и о взаимной связи содержания уголовно-правового предписания и формы его выражения. Центральный элемент нормативного предписания Особенной части уголовного права – взаимосвязан-

ное описание состава преступления и санкции – может содержаться только в федеральном уголовном кодексе – источнике установления уголовно-правового запрета. Однако дополнительная информация, необходимая для раскрытия смысла этого предписания, может содержаться в иных источниках. При этом, исходя из содержания информации, субъектов ее представления и роли в механизме уголовно-правового регулирования, иные, дополнительные источники могут быть представлены: а) источниками конкретизации уголовно-правового предписания Особенной части уголовного права; б) источниками толкования уголовно-правового предписания Особенной части уголовного права. В своей совокупности эти правовые акты создают систему источников Особенной части уголовного права.

В § 2 «Источники формирования Особенной части российского уголовного права» представлен новый взгляд на систему и механизм социальной детерминации уголовно-правовых предписаний.

Влияние социальных факторов на функционирование уголовного права позволяет различать «социальные источники» отрасли и «социальную инфраструктуру» реализации уголовно-правовых предписаний. Первые обуславливают генезис норм, вторые – внешнюю среду их функционирования в настоящий момент. При этом, поскольку учение о социальных источниках уголовного права должно развиваться как составная часть уголовно-правовой науки, включение в предмет науки разнообразных социальных, социально-психологических и иных факторов неоправданно. В предмет отраслевого исследования должны входить не сами факторы, порождающие существование и содержание уголовно-правовых предписаний, а связь уголовно-правовых предписаний с порождающими их социальными обстоятельствами. С учетом этого в работе обосновано, что социальные источники нормативных предписаний Особенной части уголовного права могут быть адекватно проанализированы при условии, если: а) понимать под этими источниками не сами по себе общественные отношения, а оценку общественных явлений и процессов, вызывающих необходимость криминализации и пенализации общественно опасных деяний; б) констатировать, что оценка эта есть отражение в общественном сознании (прежде всего научном) рисков и угроз для нормального развития общества; в) признать, что такая оценка всегда имеет внешнюю, объективную форму своего воплощения, что позволяет ввести в научный оборот понятие «форма выражения социальных источников уголовного права»; г) ограничить исследовательский поиск выявлением и анализом этих «форм», поскольку именно они отражают наличие или отсутствие связи уголовно-правовых предписаний с социальной средой.

В итоге, механизм социальной детерминации уголовно-правового запрета представлен в работе в виде последовательной схемы: наличие реальных социальных факторов – отражение этих факторов в общественном сознании – фиксация оценки этих факторов в объективных документах – влияние оценок на уголовное правотворчество. Первые две стадии детерминации можно рассматривать как находящиеся за пределами уголовно-правовой науки; их исследование – удел социологии, экономики, политологии, социальной и поли-

тической психологии и иных наук. В рамках же собственно уголовно-правовых исследований проблематика социальной обусловленности уголовно-правовых запретов должна быть ограничена изучением результатов оценки социальных факторов и ее влияния на уголовное законодательство.

В зависимости от субъекта формирования и формы выражения эти оценки содержатся в разнообразных документах, которые могут быть объединены в несколько групп:

а) доктринальная форма выражения социальных источников уголовно-правовых предписаний, которая представляет собой обьективированную в научных текстах систему профессиональных оценок социальной действительности, обосновывающих необходимость, целесообразность и прогностическую эффективность установления новых или корректировки существующих уголовно-правовых предписаний;

б) общественно-политическая форма выражения социальных источников уголовно-правовых предписаний. В разряд таких источников следует отнести, например, программы политических партий, публичные доклады должностных лиц, социально ориентированные документы церковных организаций, аналитические документы адвокатского сообщества;

в) политико-правовая форма выражения социальных источников уголовно-правовых предписаний, которая представлена документами стратегического планирования (утвержденными Президентом РФ основными направлениями внутренней и внешней политики, стратегиями, доктринами, концепциями), а также международными документами (декларациями, резолюциями, рекомендациями и др.);

г) правовая форма выражения социальных источников уголовно-правовых предписаний, которая представляет собой выраженную в нормативных правовых актах оценку тех или иных угроз в качестве криминальных и заслуживающих уголовно-правовой реакции либо оценку тех или иных ценностей в качестве настолько значимых, что они требуют уголовно-правовой охраны. Такими актами выступают: Конституция РФ, международные договоры, ратифицированные или подписанные РФ, отраслевые нормативные правовые акты РФ, которые содержат прямое указание на необходимость криминализации тех или иных действий.

Все эти формы выражения социальных источников уголовно-правовых предписаний отражают только одну сторону проблемы социальной детерминации уголовно-правовых предписаний, ту, что определяет необходимость и потенциальную возможность установления диспозитивной части уголовно-правового запрета. Вопрос о том, какой должна быть санкционная часть (тип санкции, виды и размеры наказаний), должен решаться с учетом содержания такого источника самодетерминации уголовно-правовых предписаний, как концепция уголовно-правовой политики.

В § 3 «Источники выражения Особенной части российского уголовного права» установлено, что их система должна мыслиться как совокупность форм выражения уголовно-релевантной информации, дифференцированных в зависимости от содержания информации, субъектов ее представ-

ления и назначения в механизме уголовно-правового регулирования. Соответствующая информация отчетливо распадается на две связанные группы: относящаяся к уголовно-правовому запрету в целом и относящаяся к составу преступления.

Источником установления запрета как целостного суждения о преступности и наказуемости определенного вида поведения, с учетом конституционных основ уголовно-правового регулирования, может выступать только федеральный кодифицированный нормативный правовой акт – УК РФ. В работе критически оцениваются предложения о создании множества законов об уголовной ответственности, дифференцированных в зависимости от вида преступлений, как неэффективные и не соответствующие уголовно-политической концепции государства. Равным образом отрицается идея признания источником уголовно-правового запрета законов о внесении изменений и дополнений в УК РФ, поскольку они не обладают собственными регулятивными возможностями.

Вместе с тем признается конституционно оправданной дифференциация форм выражения нормативных предписаний об уголовной ответственности за правонарушения, различающиеся степенью общественной опасности. Нормативный правовой акт, содержащий описание запретов на совершение деяний небольшой опасности (административных правонарушений и уголовных проступков), необходимо признавать формальным источником уголовного права. При этом важное условие его конституционности состоит в том, чтобы он был принят исключительно как федеральный закон.

Уголовно-правовое предписание, закрепленное в статье Особенной части УК РФ, в системном единстве с иными предписаниями кодекса содержит описание всех признаков состава преступления. Принцип правовой определенности, тем не менее, не исключает, что содержание этих признаков будет раскрыто в иных документах, которые образуют группу «вторичных» источников, содержащих «дополнительную» уголовно-релевантную информацию. Они отчетливо распадаются на источники конкретизации предписаний Особенной части уголовного права и источники толкования этих предписаний.

Источником конкретизации уголовно-правового запрета выступает нормативный правовой документ, который имеет общий (не связанный с обстоятельствами конкретного дела) и общеобязательный (нормативный) характер, уточняющий содержание признаков состава преступления. В работе отмечается:

– неуголовно-правовые нормативные акты, к которым отсылает УК РФ при конструировании состава преступления, не предназначены для регулирования уголовно-правовых отношений и не созданы в целях конкретизации признаков составов преступлений, а потому не могут быть признаны формальными источниками конкретизации уголовно-правовых предписаний;

– признак «целевого предназначения» и «производности» позволяет отнести к формальным источникам конкретизации нормативных предписаний Особенной части только те документы органов государственной власти, которые специально созданы для целей применения уголовного закона. Од-

нако акты парламентской конкретизации уголовного закона – это всегда законы о внесении изменений в УК РФ, в связи с этим их нецелесообразно выделять в качестве самостоятельного формального источника конкретизации уголовно-правовых предписаний. Источниками конкретизации нормативных предписаний Особенной части могут выступать лишь акты Правительства РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Источник толкования уголовно-правовых предписаний, субъекты которого не ограничены органами государственной власти, в отличие от акта конкретизации права, либо ограничен пределами конкретной правоприменительной ситуации, либо не имеет общеобязательного значения.

Источники неофициального (необязательного) толкования распадаются на два блока. Первый составляют доктринальные документы (комментарии, монографическая литература, иные научные труды); другой составляют документы, исходящие от государственных органов, не наделенных полномочиями по толкованию (акты Генеральной прокуратуры РФ, Федеральной службой судебных приставов и др.).

В противоположность этому источник официального толкования имеет обязательный характер, а его единственным легитимным субъектом выступает суд. Отличие актов официального толкования от актов конкретизации права состоит в их связанности конкретными обстоятельствами правоприменительной ситуации, а также в том, что толкование составляет не суть судебного решения, а его необходимое условие.

Глава 3 «Нормативное предписание как исходный структурный элемент Особенной части российского уголовного права» посвящена исследованию понятия, структуры и видов уголовно-правового нормативного предписания в качестве начальной единицы построения системы Особенной части.

В § 1 **«Теоретико-методологические основы исследования уголовно-правовой нормы и предписаний Особенной части уголовного права»** доказано, что в условиях методологической модернизации уголовного права правовой позитивизм не только сохраняет, но и эффективно доказывает свой потенциал в исследовании вопросов системы уголовного права, его внутреннего строения, элементов и связей между ними.

Исходной точкой в позитивистском понимании права является его восприятие как системы правовых норм, то есть правил поведения, которые исходят от официальной власти и призваны урегулировать общественные отношения. Однако такое понимание нормы входит в известный диссонанс с результатами анализа закона как предполагаемой позитивизмом формы выражения права. Попытка его преодоления на основе разработанной в теории права категории нормативного правового предписания привела к формированию в уголовно-правовой науке трех основных моделей, объясняющих соотношение нормы и предписания: 1) «логическая» модель – основывается на понимании уголовно-правовой нормы как правила, выводимого логическим путем из отдельных нормативных предписаний, предусмотренных уголовным законом; 2) «нормативная» – признает правовой нормой властное веле-

ние и уравнивает правовую норму и нормативное предписание; 3) «смешанная» – доказывает существование двух видов правовых норм: правил поведения и предписаний. В рамках каждой из этих моделей вопросы структурирования уголовного права приобретают специфическое разрешение – от отождествления системы права и закона до отрицания возможности построить систему права на основе концепта «норма права».

На основе критического анализа имеющихся подходов к построению системы уголовного права в работе формулируются следующие исходные тезисы: а) норма права не может пониматься одновременно и как правило поведения, и как властное веление, ибо суть нормы права всегда едина; б) норма права не может отождествляться с властным велением, поскольку это лишает ее свойства логической целостности и завершенности, приводит к отождествлению нормы права и статьи закона; в) норма права содержит идеальную модель правоотношения, включает в себя весь необходимый набор элементов, воплощение которых упорядочивает эти отношения не только с точки зрения их формального соответствия тексту закона, но и с позиций соответствия принципам права, норма права есть всегда целостное правило поведения субъектов правоотношения.

Уголовно-правовая норма в итоге может мыслиться как результат логических построений субъекта, который конструирует эту норму права на основе отдельных нормативных предписаний, отраженных в правовых источниках. Это обстоятельство существенным образом корректирует и теорию правоприменения, и учение о системе уголовного права.

Общая логика правоприменения при таком подходе выглядит следующим образом: законодатель конструирует отдельные правовые предписания → на их основе суд формирует несколько подходящих для конкретного случая правовых норм → и затем, с учетом фактических обстоятельств дела, выбирает одну конкретную норму, активируя ее положения в конкретном правоотношении. Признание роли суда в формировании нормы уголовного права и установление жесткой ориентации нормы на конкретный случай, требующий правового регулирования, позволяет утверждать, что норма уголовного права содержательно и сущностно в большей степени связана с этим конкретным случаем, то есть с жизненными реалиями, нежели с правом как идеальной системой правовых норм. Следовательно, на основе правовой нормы строить систему уголовного права невозможно; норма уголовного права и система уголовного права – это логически несоподчиненные понятия и содержательно различные феномены. Первое – модель поведения, собранная судом из отдельных предписаний, второе – созданные законодателем исходные элементы этой модели. Отсюда вполне логичным будет утверждение о том, что именно нормативно-правовое предписание, а не норма права, должно признаваться начальным элементом системы права.

В § 2 «Понятие, содержание и структура нормативного предписания Особенной части уголовного права» представлена характеристика содержания и формы нормативного предписания.

Нормативное предписание как веление правотворческого органа с необходимостью должно быть облечено в надлежащую логическую и языковую формы, которые в совокупности позволяли бы адекватно воспринимать смысл этого веления. В работе доказывается, что логической формой нормативного предписания всегда выступает суждение, а языковой – предложение.

При обращении к логической структуре нормативного предписания Особенной части уголовного права в работе доказано, что оно должно содержать в себе суждение, в котором роль субъекта (S) будет выполнять описание запрещенного деяния, а роль предиката (P) – описание возможной реакции государства на такое деяние. В итоге нормативное предписание Особенной части уголовного права определяется как закрепленное на уровне самостоятельного предложения статьи или части статьи Особенной части УК РФ логически завершённое суждение законодателя о пределах наказуемости преступления. Формой его языкового выражения выступает предложение, которое строится по схеме: «такое-то деяние наказывается так-то».

При обращении к языковой форме закрепления нормативного предписания в тексте закона установлено, что в нормативном предложении должны в обязательном порядке найти отражение и признаки преступления, и пределы его наказуемости. В этой связи обращается внимание на принципиальную недопустимость рассматривать Особенную часть уголовного права только как перечень запрещенных деяний. Акцент на номенклатуре деяний дезавуирует описание самих деяний. В этой связи в работе критически оценивается опыт использования «назывных» диспозиций (в УК РФ по состоянию на 28.02.2021 г. их содержится 34, что составляет 3,6% от общего числа). При таком приеме описания предписание выражается не суждением о преступлении, а понятием, толкование и раскрытие которого происходит в процессе толковательной и правоприменительной деятельности, что нарушает требования законности и правовой определенности.

Анализ предложений, посредством которых выражаются нормативные предписания Особенной части, выявил еще один логический дефект. В 30 диспозициях (3,2% от общего числа) законодатель использует прием описания, включающий в себя указание и на название преступления, и на его признаки (ч. 1 ст. 158 УК РФ – «кража, то есть тайное хищение чужого имущества»). В подобной ситуации предложение, формулирующее предписание, приобретает сложный состав. В нем обнаруживается одновременно и понятие определенного деяния, и суждение о наказуемости этого деяния. Такой прием построения предложений и структурирования нормативных предписаний представляется избыточным и не приносящим новой информации в содержание предписания. А потому законодателю целесообразно отказаться от воспроизведения понятия преступления в диспозиции статьи Особенной части, оставив понятие лишь в качестве обозначения соответствующей статьи.

Далее в работе исследован вопрос о структурном оформлении предписания и о связи этой структуры со строением уголовно-правовой нормы и статьи Особенной части УК РФ. Исходя из того, что норма уголовного права определяет меру возможного поведения государства по отношению к пре-

ступнику, установлено, что норма в структурном и логическом отношении распадается на две части. Первая часть в академической интерпретации структуры правовой нормы представляет собой условие, при котором государство наделяется определенными правами и обязанностями, иными словами, – гипотеза. Вторая часть описывает меру возможного поведения, права и обязанности государства, что соответствует представлениям о содержании диспозиции правовой нормы.

Нормативное предписание, будучи суждением об основании ответственности и пределах государственной реакции на преступление, по логике своей также является двухкомпонентным, что позволяет констатировать наличие корреспондирующей структуры уголовно-правовой нормы и нормативного предписания Особенной части уголовного права. Это совпадение не случайно. Нормативное предписание Особенной части уголовного права справедливо рассматривать в качестве структурированного содержательного «ядра» уголовно-правовой нормы, которое в процессе построения логической нормы «обрастает» дополнительными предписаниями, каждое из которых должно «вписываться» в заданную структуру.

Что касается структуры статьи Особенной части закона, то ей методически неверно приписывать структуру элемента системы права. В статье не могут существовать гипотезы, диспозиции или санкции, в ней усматриваются статьи, части, абзацы. Нормативное предписание Особенной части уголовного права описано в статье (или части статьи) Особенной части УК РФ, при этом гипотеза предписания указывается в абзаце первом статьи (или части статьи), а диспозиция – в абзаце втором статьи (или части статьи).

В § 3 «Виды нормативных предписаний Особенной части уголовного права» прежде всего выделены типичные и нетипичные предписания. Типичное уголовно-правовое предписание Особенной части содержит в полном виде законодательное суждение о специфических признаках отдельного преступления и его наказуемости и закреплено в статье (части статьи) Особенной части УК РФ. Этот массив предписаний может быть разбит на группы, в зависимости от содержания и направленности описываемого преступления, степени опасности закрепленного в предписании состава преступления, специфики описания состава преступления, особенностей описания государственных возможностей в части назначения наказания. Однако классификации подобного рода являются искусственными и не приносят новой информации в процесс изучения собственно предписаний Особенной части уголовного права.

Нетипичные правовые предписания: а) могут обладать нестандартной структурой и содержательно раскрывать либо гипотезу, либо диспозицию нормы; б) могут обладать стандартной структурой, но содержательно охватывать только один компонент уголовно-правовой нормы; в) не обязательно зафиксированы в статьях Особенной части уголовного закона; в) призваны выполнять в правовом регулировании ряд функций, которые не доступны для типичных предписаний.

В зависимости от функциональной роли в обеспечении системного функционирования уголовного права нетипичные нормативные предписания Особенной части уголовного права классифицированы на две группы: системосохраняющие и системоразвивающие.

К системосохраняющим отнесены такие нетипичные предписания, которые обеспечивают единство и целостность Особенной части уголовного права, ее функционирование в качестве системного, внутренне непротиворечивого механизма. К ним причислены: нормативные принципы криминализации отдельных видов преступлений, нормативные понятия, правоположения и оперативные предписания.

К системоразвивающим нетипичным предписаниям Особенной части уголовного права отнесены те, что обеспечивают развитие уголовного права и его адаптацию к меняющимся условиям внешней среды. Такие предписания разделены на две группы: содержащие отсылку к меняющимся социальным условиям функционирования уголовно-правовой нормы и содержащие отсылку к меняющейся нормативной базе регулирования охраняемых уголовным законом отношений.

В зависимости от результатов сопоставления с общими признаками типичных предписаний дополнительно выделены следующие группы нетипичных нормативных предписаний: а) имеющие особое логико-грамматическое выражение в виде формул, таблиц, расчетов или нетипичные компоненты содержания (рекомендации, примеры); б) рассчитанные на временный характер применения; в) содержательно раскрывающие дискретно элементы гипотезы или диспозиции уголовно-правовой нормы; г) сформулированные как в тексте статьи Особенной части УК РФ, так и в тексте примечаний к этим статьям, а равно и в иных источниках уголовного права.

Исследование свидетельствует, что нормативные предписания Особенной части уголовного права стремятся к большему функциональному разнообразию, что приводит к появлению и разрастанию группы нетипичных предписаний.

Глава 4 «Институты Особенной части российского уголовного права» посвящена анализу проблем институционального строения отрасли.

В § 1 «Теоретико-методологические основы исследования институтов Особенной части уголовного права» выявлены ограниченные возможности позитивистского подхода, в рамках которого акцент в исследовании уголовно-правовых институтов сделан на его внешних признаках, связанных со структурным обособлением нормативных предписаний в тексте уголовного закона. Отмечается, что объективные пределы познавательных возможностей юридического позитивизма должны быть компенсированы органичным применением иных методологических приемов. Доказывается, что расширению представлений об институтах уголовного права может служить применение институционального подхода к праву, акцентирующего внимание на генетических и функциональных характеристиках правового института.

Институциональный подход предполагает выделение двух близких, но различающихся по своему содержанию операциональных понятий для опи-

сания процесса формирования институтов в области права – «институционализация права» и «правовая институционализация».

Институционализация права есть объективный процесс генезиса, отбора и закрепления норм и практик, связанных с регулированием общественных отношений, формированием моделей поведения людей, утверждением их социальных ролей и статусов, и одновременно процесс обособления права от иных социальных регуляторов. Институционализация права демонстрирует: а) генетическую связь права с иными социальными институтами, обусловленность права социальными реалиями; б) единство процесса формирования всего комплекса правовых норм, призванных урегулировать те или иные отношения; в) утверждение права в качестве самостоятельного регулятора и появившуюся в связи с этим возможность для сознательного конструирования социальной реальности и социальных институтов в интересах общества или в интересах социальных групп, обладающих доступом к процессу создания правовых норм.

Любые социальные и правовые нормы, возникая для регулирования тех или иных отношений, исторически всегда формируются как некий комплекс взаимосвязанных норм, как институт. А потому, если право в целом есть социальный институт, то процесс правогенеза может рассматриваться как процесс формирования отдельных правовых комплексов (институтов), призванных обеспечить целостное регулирование тех или иных общественных отношений. Такой подход позволяет скорректировать привычный взгляд на правовой институт как на «обособившийся комплекс правовых норм», а на юридическую норму – как на «исходный элемент правовой материи». Он может быть призван справедливым, только если изучать институты в пределах структурного анализа той системы права, которая уже сложилась. Если же подключить для исследования возможности институционального подхода, ситуация меняется коренным образом: правовые институты становятся не обособившимися в структуре отрасли права образованиями, а изначальными комплексами, которые в своей совокупности сформировали отрасль права.

Поскольку право объективно возникает как система правовых институтов, то его последующее развитие в рамках самостоятельного социального института требует правовой институционализации, то есть упорядочения правовых норм, которое происходит при активном, непосредственном, сознательном и управляющем воздействии со стороны законодателя как субъекта правотворчества.

В процессе создания нормативных правовых актов законодатель дифференцирует единые правовые комплексы на отдельные составляющие и фиксирует их в отдельных законах. Этот процесс, в отличие от процесса институционализации права, в гораздо большей степени несет на себе отпечаток субъективных представлений законодателя о природе, назначении и ценности тех или иных правовых установлений, что проявляет себя в усмотрительном решении вопросов о природе отдельных предписаний и их структурном оформлении в тексте нормативного правового акта.

С учетом представленного процесса формирования уголовно-правовых институтов и отрасли уголовного права в работе выдвинута гипотеза о наличии «первичных» и «вторичных» институтов уголовного права. К разряду «первичных» следует относить институты, именуемые сегодня институтами Особенной части уголовного права. Именно они сформировали, институционализировали уголовное право в качестве самостоятельной отрасли права. «Вторичными» целесообразно считать институты Общей части, которые появились существенно позднее и способствовали формированию структуры современного уголовного права. Генезис, основания и критерии формирования этих институтов существенно различаются. Первичные институты – институты Особенной части – формируются путем обособления уголовно-правовых комплексов от общего массива правовых норм на основе общности предмета (уголовно-правовых отношений), но критерием их формирования выступает степень сформированности того социального института, который они призваны защищать и в сохранении и развитии которого заинтересовано государство. Вторичные институты – институты Общей части – формируются в процессе функционирования уголовного права как социального института путем выделения общих предписаний из массива уголовно-правовых норм на основе такого критерия, как участок, сторона, компонент собственно уголовно-правового отношения или уголовно-правового метода.

В § 2 «Содержание и структура института Особенной части уголовного права» установлено:

– содержание институтов Особенной части уголовного права может быть адекватно раскрыто при условии соблюдения плюралистического подхода к пониманию права как такового; если генезис и социальное назначение правового института объясняются на основе преимуществ институционального подхода, а его социальное содержание и реальное действие – в рамках социологической интерпретации уголовного права, то для исследования юридического содержания института Особенной части сохраняет свои познавательные возможности юридический позитивизм;

– поскольку институт права есть элемент системы права, то содержательно он не может отличаться от системы в целом: однородность всех элементов права обеспечивает его системность и целостность. С точки зрения юридического позитивизма институт Особенной части уголовного права включает в свое содержание лишь то, что входит в содержание права как такового, а именно нормативные правовые предписания и принципы, при условии, однако, что речь идет о принципах, которые обладают общими свойствами правовой материи, как минимум, общеобязательностью и способностью участвовать в регулировании правоотношений (принципы как идеи или как элемент правового мировоззрения частью содержания уголовно-правового института быть не могут);

– различные по своему содержанию нормативные предписания, образующие институт Особенной части уголовного права, могут получить закрепление в различных по своему виду источниках уголовного права. Предписания, формулирующие основание уголовной ответственности и модель

санкции, могут быть предусмотрены исключительно в федеральном уголовном законе, тогда как предписания дефинитивного характера, коллизионные и операциональные вполне могут получить закрепление на уровне иных источников уголовного права;

– предписания, образующие институт Особенной части уголовного права, могут быть сформулированы путем применения аналогии. Допустимость ее применения зависит от сочетания двух обстоятельств: субъекта, который использует аналогию, и содержания самого предписания. Принцип законности устанавливает в данном случае жесткий запрет на конструирование судами предписаний, создающих непредусмотренные законом основания уголовной ответственности;

– в основе формирования и систематизации отраслевых институтов права должна быть расположена отраслевая юридическая конструкция, которая: а) отвечает общетеоретическим представлениям о юридической конструкции, б) в пределах отрасли права является «сквозной», позволяющей упорядочить множество нормативных предписаний, в) демонстрирует особенности функции и социального предназначения той или иной отрасли права, связь права с реальными общественными отношениями. Применительно к институтам Особенной части уголовного права на роль юридической конструкции, отвечающей этим требованиям, может претендовать конструкция уголовно-правовой охраны;

– юридическая конструкция уголовно-правовой охраны органично включает в себя: а) объект охраны, те отношения, которые прижились в обществе и которые обеспечивают его существование и дальнейшего развитие; б) интерес в охране этих отношений, как со стороны общества в целом, так и со стороны властных элит и структур; в) перечень деяний, признаваемых опасными для соответствующего объекта и требующих запрета под угрозой наказания; г) комплекс уголовно-правовых предписаний, описывающих эти деяния и устанавливающих санкции за их совершение; д) адекватные с точки зрения охранительной, предупредительной, восстановительной функций права меры воздействия на лиц, совершающих опасные деяния;

– системность уголовно-правового института предполагает, что он должен охватывать своим содержанием весь потенциально мыслимый набор различных видов нормативных предписаний. Однако соотношение основных (типичных) и иных (нетипичных) предписаний в структуре института Особенной части уголовного права не является константным, более того, на теоретическом уровне в принципе не представляется возможным рассчитать, какие именно по видовой принадлежности и сколько предписаний могут или должны образовывать институт Особенной части уголовного права. Содержание института определяется его функциональным назначением и отражает устойчивые системные характеристики, обусловленные юридической конструкцией уголовно-правовой охраны. В связи с этим можно предположить, что чем больше будет заинтересованность общества и власти в охране того или иного объекта, тем более полным и насыщенным будет соответствующий охранительный институт, тем более детально будет регламентирована

деятельность субъектов общественных отношений и деятельность правоприменителей, тем вероятнее наличие в структуре института массива детализирующих, конкретизирующих предписаний.

В § 3 «Система и виды институтов Особенной части уголовного права» утверждается, что устоявшееся решение вопросов систематизации институтов Особенной части уголовного права с опорой на представления о предмете уголовно-правового регулирования является бесперспективным. Предписания Особенной части уголовного права восходят к охранительным положениям регулятивных отраслей права и обусловлены не столько предметом собственно уголовно-правового регулирования, сколько предметом уголовно-правовой охраны. В связи с этим именно объект уголовно-правовой охраны должен признаваться социальным основанием формирования институтов и их систематизации. Предметные институты Особенной части уголовного права, таким образом, представлены в работе в качестве системы нормативных предписаний, сгруппированных на основе подлежащих уголовно-правовой охране и институционализированных в системе общественных отношений правовых благ и интересов.

Специфика регулятивной функции уголовно-правовых институтов позволяет провести их градацию на основе иных критериев. В частности, исходя из направленности влияния на регулирование уголовно-правовых отношений в общем массиве институтов Особенной части обособляются функциональные институты. В зависимости от отношения к функции дифференциации ответственности система функциональных институтов Особенной части уголовного права может быть представлена как структура, включающая в себя институт ответственности за административные деликты, институт ответственности за преступление и институт ответственности за преступление с квалифицирующими признаками. Наряду с этим в структуре Особенной части уголовного права возможно выделение функционального поощрительного института освобождения от уголовной ответственности, который представлен многочисленными примечаниями к отдельным статьям уголовного закона, которые выполняют единую сквозную функцию, стимулируя лиц к позитивному поведению и гарантируя применение в отношении них поощрительных санкций в виде освобождения от уголовной ответственности.

Отдельное внимание в работе уделено проблеме классификации институтов Особенной части на основе степени нормативного обобщения (основной, видовой, родовой, типовой). Доказано, что в основу такой градации должны быть положены представления о родо-видовых отношениях между объектами уголовно-правовой охраны. Использование иных признаков для построения системы институтов Особенной части уголовного права (формы вины, особенностей деяния и др.) представляется неоправданным. Именно непосредственный объект охраны служит «точкой притяжения» отдельных предписаний в рамки одного института, он же выступает «точкой разграничения» различных институтов Особенной части уголовного права.

Объект охраны не может служить одновременно критерием вычленения в структуре отрасли иных правовых общностей, в частности, подинсти-

тутов. При изучении субинституционального уровня системы Особенной части уголовного права перспективным является использование идеи систематизации преступлений на основе признаков, альтернативных объекту. Комплекс таких признаков корреспондирует понятию видового (родового) состава преступления. Конструкция видового состава преступления позволяет дополнить представления об институциональном строении отрасли уголовного права, поскольку способна выступить надежным основанием для вычленения в структуре основных институтов Особенной части уголовного права отдельных субинститутов.

В работе уделено внимание выяснению характера и содержания системных связей институтов Особенной части. В силу многоуровневости самой системы уголовного права системные связи институтов Особенной части должны рассматриваться на различных уровнях: а) связи между нормативными предписаниями, которые образуют институт Особенной части; б) связи между всей совокупностью институтов Особенной части (и каждым из них в отдельности) и совокупностью институтов Общей части уголовного права (и каждым из них в отдельности); в) между различными институтами Особенной части уголовного права; г) между институтами Особенной части уголовного права и иными элементами системы права в целом.

Ограничивая предмет исследования связями, существующими между самими институтами Особенной части уголовного права, устанавливается несостоятельность распространенного мнения о наличии в системе этих институтов иерархических субординационных связей, заданных иерархией охраняемых уголовным законом объектов. Установлено, что с конституционной точки зрения между охраняемыми объектами нет и не может быть иерархических отношений. Сам факт установления уголовной ответственности за посягательство на то или иное правовое благо свидетельствует о том, что его ценность заслуживает мер уголовно-правовой защиты, и в этом отношении все охраняемые ценности равнозначны.

В основе системной взаимосвязи институтов Особенной части уголовного права лежат иные характеристики.

Во-первых, структурные связи системы институтов уголовного права. Поскольку таковые институты восходят к тем или иным социальным институтам, которые образуют ценностно-нормативную систему общества, структура Особенной части должна в полной мере коррелировать системе этих социальных институтов, что обеспечивает полноту и беспробельность системы Особенной части уголовного права, ее соответствие социальным реалиям.

Во-вторых, это связи координации между элементами системы, которые устанавливаются посредством различных юридико-технических практик: использованием терминологии одного института в рамках другого института, конструированием сложных (составных) составов преступлений, конструированием смежных составов преступлений, разграничением составов формальных и материальных и т.д. Координирующее взаимодействие между институтами Особенной части уголовного права обеспечивает эластичность системы, ее способность приспосабливаться к изменяющимся внешним усло-

виям, компенсировать содержательные колебания в отдельных институтах, а порой и пробелы в законодательстве.

Глава 5 «Система Особенной части российского уголовного права» посвящена анализу проблем систематизации нормативных предписаний, определяющих преступность и наказуемость общественно опасных деяний.

В § 1 «Теоретико-методологические основы исследования системы нормативных предписаний Особенной части уголовного права» доказывается, что системный анализ Особенной части уголовного права, традиционно ограниченный реализацией редуccionного и эволюционного подходов, в современных условиях нуждается в методологической модернизации на основе использования преимуществ холистского подхода, в рамках которого Особенная часть уголовного права исследуется не просто как системное множество предписаний, но как единое целое, выступающее лишь частью общей системы социального управления. В контексте холизма целостность социального управления как системы и устойчивость его развития обусловлены согласованностью взаимодействия всех его частей (подсистем), что подразумевает соблюдение определенных требований к системе Особенной части уголовного права, с тем чтобы она находилась в оптимальных и гармоничных отношениях с иными подсистемами социального и правового управления, не вносила дисбаланс в систему управления и сама не была десистематизирована.

Исходя из этих посылок в работе аргументированы следующие выводы:

– поскольку уголовное право есть лишь часть общей управленческой системы, оно не может иметь иные целевые и ценностные параметры, нежели система социального управления. В тот момент, когда уголовное право перестает соответствовать целевым направлениям и аксиологии системы управления, возникает ситуация разбалансировки системы, а само это несоответствие становится исходной точкой всех последующих кризисных явлений в уголовном праве. Конституционные реалии сегодня таковы, что распространенный в уголовно-правовой доктрине тезис о безусловном приоритете личности, ее прав и свобод уже не отвечает действительности. Потому современный кризис уголовного права необходимо усматривать не в том, что преобразования его Особенной части не соответствуют приоритетным задачам охраны личности, а в том, что сам этот приоритет не вписывается в реализуемую в государстве регулятивную стратегию, ориентированную в большей степени на коллективные, государственные интересы;

– поскольку уголовное право есть лишь часть системы права, функционально предназначенной для обеспечения баланса конституционных ценностей в обществе, его место в этой системе должно определяться на основе различения и совмещения двух несовпадающих конструкций – «поддержание баланса конституционных ценностей» и «достижение баланса конституционных ценностей». Содержательно им корреспондируют такие направления уголовно-правового воздействия, как охрана и регулирование. Уголовно-правовая охрана состоит в подключении возможностей уголовного закона для поддержания того уровня баланса и той иерархии конституционных цен-

ностей, которые уже достигнуты в обществе на этапе позитивного правового регулирования. Уголовно-правовое регулирование направлено на достижение баланса конституционных ценностей в процессе реализации уголовной ответственности. Такой взгляд на функциональное назначение системы уголовно-правовых предписаний отражает истинное предназначение уголовного права в общей системе социального управления, подчеркивает его субсидиарный и акцессорный характер при общедозволительном типе правового регулирования. Отсюда – важное требование к формированию предписаний Особенной части уголовного права. Уголовно-правовой запрет не может быть сконструирован без предварительного позитивного урегулирования поведения граждан в той или иной области социальных отношений. Если в отраслях позитивного права не сформулирован вывод о необходимости запрета того или иного поведения, если в политико-правовых или политических документах государства не оценены опасность и риски поведения, выходящего за пределы установленных стандартов поведения, криминализация какого-либо деяния в соответствующей сфере отношений может восприниматься как необоснованная уголовно-правовая экспансия, как установление запрета на совершение правомерных действий;

– системное, функциональное единство публичных охранительных отраслей (уголовного и административно-деликтного) предполагает их предметную дифференциацию. В рамках единой системы предписаний о публично-правовой охране конституционных ценностей дифференциация уголовно-правовых и административно-правовых предписаний, основанная на дифференциации правонарушений, должна строиться на основе такого критерия, как наказание, при условии, что виды наказаний в уголовном и административно-деликтном праве не будут содержательно совпадать. Вполне обоснованным будет решение, при котором деяния, совершение которых заслуживает наказания в виде ареста или обязательных работ, будут восприниматься именно как преступления, в то время как деяния, совершение которых предполагает лишь штраф, будут рассматриваться в качестве административных правонарушений;

– системность Особенной части уголовного права как множества однородных нормативно-правовых предписаний обеспечивается на основе ее целевого назначения. Поддерживая своими запретами достигнутый в обществе баланс конституционных ценностей, уголовное право оказывает регулирующее (информационное, ценностно-формирующее) воздействие на поведение граждан, способствуя их воздержанию от совершения противоправных действий. При этом, регулируя возникающие в связи с фактом совершения преступления правоотношения, уголовное право обеспечивает охрану не только сложившихся ценностей как объекта противоправного посягательства, но также охрану самих правонарушителей и законопослушных граждан от необоснованных уголовно-правовых притязаний со стороны государства. В этом проявляется важнейшая гарантийная функция Особенной части уголовного права, которая обуславливает ее специальные системные параметры. В качестве таковых в работе названы: наличие исчерпывающего перечня нор-

мативных предписаний; сосредоточенность всех предписаний в Особенной части УК РФ; актуальный характер перечня, исключающий пробелы, коллизии и недействующие предписания; правовая определенность предписаний.

В § 2 «Взаимосвязь **Общей и Особенной части уголовного права**» утверждается, что эта проблема не должна рассматриваться исключительно с традиционных позиций формально-логического анализа, с точки зрения соотношения категорий части и целого, общего и специального, но может быть адекватно понята и описана лишь при условии верного понимания целевого и функционального назначения этих элементов в системе отрасли. Исходя из того, что предписания Особенной части поддерживают сложившийся и признанный в обществе баланс конституционных ценностей, а предписания Общей части в большей степени направлены на то, чтобы обеспечить сбалансированность интересов личности и государства непосредственно в процессе уголовно-правового регулирования, доказывается, что Общая часть в системе уголовного права выполняет важнейшую системосохраняющую функцию. Соответственно взаимосвязь Общей и Особенной частей уголовного права должна анализироваться под углом зрения того, насколько предписания Особенной части соответствуют положениям Общей части.

В современной науке задача построения теоретически концептуальной, но при этом инструментально окрашенной теории внутриотраслевых связей уголовного права остается открытой. В ее решении надо отталкиваться от того, что все типичные предписания Особенной части уголовного права содержательно определяют основание уголовной ответственности и пределы наказуемости преступления определенного вида. Основание ответственности и пределы наказуемости в данном случае целесообразно рассматривать как особого рода правовые конструкции.

Основание уголовной ответственности как конструкция соотносимо с диспозицией Особенной части и предполагает возможность описания в ней только деяния, которое должно быть общественно опасным и содержать признаки оконченного или неоконченного преступления, совершенного исполнителем или соучастниками.

Наказуемость как конструкция соотносима с основными требованиями, предъявляемыми к санкции нормативного предписания Особенной части, главным из которых выступает соответствие санкции характеру общественной опасности преступления, что предполагает не только учет ценности объекта посягательства, но также последовательную дифференциацию пределов наказуемости в зависимости от категории преступления, вида и формы соучастия, стадии совершения преступления.

Системный анализ предписаний Особенной части (их диспозиций и санкций) свидетельствует, что в значительной части случаев системосохраняющие функции конструкций основания и пределов наказуемости оказываются нереализованными: а) диспозиции нормативных предписаний Особенной части уголовного права описывают деяния, которые не являются общественно опасными, либо вовсе описывают нечто, что не является деянием; закрепленные в них признаки конкретных составов оказываются не согласо-

ванными с системообразующими субъективными признаками преступлений; ряд составов преступлений не вписывается в общие представления о соучастии в преступлениях и стадиях его совершения; б) санкции нормативных предписаний Особенной части являются разбалансированными и не учитываемыми в должной мере представления об опасности преступлений определенного вида.

В работе доказывается, что современные проявления асистемности уголовного права в значительной степени вызваны стремлением законодателя компенсировать или преодолеть те ограничения и пробелы, которые заложены в нормативных предписаниях Общей части уголовного права, что свидетельствует о неполном соответствии конструкций основания и пределов наказуемости реализуемой в стране уголовной политике и требует серьезной их корректировки, в том числе на основе модернизированной теоретической концепции уголовного права. Дисбаланс предписаний Общей и Особенной частей уголовного права должен преодолеваться на основе последовательного соблюдения общих правовых конструкций оснований и пределов уголовной ответственности, при том непременном условии, что сами эти конструкции, во-первых, созданы, во-вторых, адекватны актуальным потребностям противодействия преступности.

В § 3 «Систематизация предписаний и институтов Особенной части уголовного права» доказывается, что исследование проблем систематизации не есть исследование лишь формы и проявление формализма. Поскольку содержание всегда оформлено, а форма – содержательна, не только содержание определяет форму, но и форма способна придать содержанию принципиально иное качество, а формальные преобразования создают условия содержательного решения актуальных проблем уголовного права.

Использование внешней формы Особенной части уголовного права для оптимизации уголовной политики и уголовного права непосредственно связано со следующими выводами, аргументированными в работе:

– объективная необходимость ограничения судебного усмотрения и последовательного соблюдения принципа законности и правовой определенности требуют расширения практики нормативного дефинирования основных понятий и терминов, используемых в уголовном законе; при этом местоположение законодательных определений в структуре кодекса должно устанавливаться содержанием и степенью общности определяемых понятий: часть из них, относящаяся к конкретной группе предписаний, должна формулироваться на уровне компонента института Особенной части уголовного права, другие же могут приобрести статус предписаний Общей части уголовного права;

– оптимизация нормативных форм отражения межотраслевых связей уголовного права не предполагает включения в закон приложения, содержащего список бланкетных актов, но требует более широкого использования конкретизирующих постановлений Пленума Верховного Суда РФ (в каждом из них, посвященном вопросам применения нормы с бланкетной диспозицией, следует давать четкий перечень корреспондирующего уголовному закону бланкетного законодательства), а также отказа от практики

широкой и неопределенной бланкетности при конструировании уголовно-правовых предписаний Особенной части уголовного права в пользу конкретизации непосредственно в тексте уголовного закона нарушаемых виновным правовых предписаний;

– совершенствование практики дифференциации уголовной ответственности посредством квалифицирующих признаков предполагает: пересмотр их номенклатуры; «вынесение» признаков, общих для всех или для большинства составов преступлений, в Общую часть с установлением специальных правил назначения наказаний в случае их наличия; размещение квалифицирующих признаков, общих для некоторой группы преступлений, в отдельной статье в начале главы Особенной части с сохранением при этом системы предписаний об ответственности за преступления с квалифицированными составами, где в диспозиции будет отсылка к группе квалифицирующих признаков, а в санкции – повышенный размер уголовного наказания;

– упорядочение практики квалификации преступлений и утверждение здесь единообразных стандартов не требуют включения в уголовный закон специализированной главы, содержащей квалификационные правила, но предполагают разработку и принятие специального постановления Пленума Верховного Суда РФ по данному вопросу;

– необходимая в рамках единой уголовно-правовой сферы дифференциация публичных правонарушений на три группы: преступления, проступки и нарушения – требует оптимальной юридико-технической формы своего отражения; представляется, что в этих целях достаточно сохранения двух кодифицированных законов – КоАП РФ и УК РФ, с той, однако, спецификой, чтобы глава Особенной части УК РФ содержала два отделения – одно об ответственности за преступления, другое – об ответственности за проступки;

– взвешенный подход к криминализации деяний и ограничение репрессивных импульсов отечественной уголовной политики могут быть реализованы за счет более активного использования способностей объекта уголовно-правовой охраны выполнять функцию ограничителя пределов криминализации, полноценная реализация которой возможна за счет дробления глав уголовного закона на основе детализации содержания охраняемого ими правового блага;

– детализация глав Особенной части уголовного права не исключает сохранения в ее структуре разделов, логика изложения которых должна быть скорректирована и представлена следующим образом: преступления против мира и безопасности человечества, преступления против личности, преступления против безопасности государства, преступления против общественной безопасности, преступления против экономики.

В заключении подводятся теоретические итоги исследования, формулируются прикладные рекомендации.

В приложениях представлены отдельные результаты эмпирических исследований.

СПИСОК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ, В КОТОРЫХ ИЗЛОЖЕНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

1. Аслаян, Р.Г. Взаимосвязь признаков субъекта преступления и информации как предмета преступлений в сфере экономической деятельности / Р.Г. Аслаян // Общество и право. – 2015. – № 2. – С. 108–110 (0,4 п.л.).
2. Аслаян, Р.Г. Взаимосвязь признаков субъективной стороны состава преступления и информации как предмета преступлений в сфере экономической деятельности / Р.Г. Аслаян // Общество и право. – 2015. – № 3. – С. 93–97 (0,5 п.л.).
3. Аслаян, Р.Г. Понятие и признаки информации как предмета преступлений в сфере экономической деятельности / Р.Г. Аслаян // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. – № 1. – С. 7–11 (0,5 п.л.).
4. Аслаян, Р.Г. Информация как средство совершения преступлений в сфере экономики и объект посягательства: вопросы взаимосвязи / Р.Г. Аслаян // Вестник Краснодарского университета МВД России: научно-практический журнал. – 2016. – № 1. – С. 48–53 (0,5 п.л.).
5. Аслаян, Р.Г. Информация как предмет и средство совершения преступлений в сфере экономической деятельности / Р.Г. Аслаян, В.П. Коняхин // Российский следователь. – 2016. – № 8. – С. 24–27 (0,4/0,2 п.л.).
6. Аслаян, Р.Г. Информация в структуре составов преступлений в сфере экономической деятельности / Р.Г. Аслаян, В.П. Коняхин // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2019. – № 3. – С. 18–21 (0,3/0,2 п.л.).
7. Аслаян, Р.Г. Особенная часть уголовного права как предмет исторического анализа: источники и границы анализа / Р.Г. Аслаян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 11. – С. 21–27 (0,75 п.л.).
8. Аслаян, Р.Г. К вопросу о периодизации истории особенной части российского уголовного права / Р.Г. Аслаян // Общество и право. – 2020. – № 4. – С. 34–37 (0,4 п.л.).
9. Аслаян, Р.Г. Систематизация предписаний особенной части уголовного права в истории дореволюционной России / Р.Г. Аслаян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 12. – С. 22–29 (0,9 п.л.).
10. Аслаян, Р.Г. Теоретико-методологические основы историко-правового анализа / Р.Г. Аслаян // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2020. – № 4. – С. 30–38 (0,9 п.л.).
11. Аслаян, Р.Г. Закон как форма выражения особенной части уголовного права России: исторический анализ / Р.Г. Аслаян // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 1. – С. 49–55 (0,5 п.л.).

12. Аслаян, Р.Г. Соотношение закона и иных форм выражения предписаний особенной части уголовного права в историческом развитии / Р.Г. Аслаян // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2021. – № 1. – С. 7–11 (0,5 п.л.).

13. Аслаян, Р.Г. Структура уголовно-правовой нормы, предписания особенной части и статьи особенной части уголовного закона / Р.Г. Аслаян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 3. – С. 129–135 (0,7 п.л.).

14. Аслаян, Р.Г. Система типичных и нетипичных нормативных предписаний особенной части уголовного права / Р.Г. Аслаян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 6. – С. 67–73 (0,7 п.л.).

15. Аслаян, Р.Г. Вопросы системы особенной части уголовного права в контексте модернизации методологических основ науки / Р.Г. Аслаян // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2021. – № 3. – С.16–23 (1,0 п.л.).

16. Аслаян, Р.Г. Нетипичные нормативные предписания особенной части уголовного права: понятие, виды, закономерности / Р.Г. Аслаян // Философия права. – 2021. – № 3. – С. 154–158 (1,0 п.л.).

17. Аслаян, Р.Г. Логическая форма выражения нормативного предписания особенной части уголовного права / Р.Г. Аслаян // Российский следователь. – 2021. – № 11. – С. 51–54 (1,0 п.л.).

18. Аслаян, Р.Г. Юридическое содержание института особенной части уголовного права / Р.Г. Аслаян // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2021. – № 4. – С. 46–54 (1,0 п.л.).

19. Аслаян, Р.Г. О критериях обособления институтов особенной части уголовного права / Р.Г. Аслаян // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика право. – 2021. – № 4. – С. 145–153 (0,6 п.л.).

20. Аслаян, Р.Г. Структура института особенной части / Р.Г. Аслаян // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2022. – № 1. – С.136–141 (0,3 п.л.).

21. Аслаян Р.Г. УК РСФСР 1922 г.: юридико-технический и институциональный анализ / Р.Г. Аслаян, Т.Ю. Батютина, В.П. Коняхин // Российский следователь. – 2022. – № 5. – С. 8–10 (0,3/0,1 п.л.).

22. Аслаян, Р.Г. Дифференциация ответственности и систематизация предписаний особенной части уголовного права / Р.Г. Аслаян // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2022. – № 3. – С.87–94 (0,5 п.л.).

23. Аслаян, Р.Г. Теоретико-методологические основы исследования источников особенной части уголовного права / Р.Г. Аслаян // Труды Института государства и права РАН. – 2022. – № 6. – С.99–120 (1 п.л.).

24. Аслаян, Р.Г. Ограничение уголовной репрессии и юридико-техническое строение особенной части уголовного права / Р.Г. Аслаян // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2022. – № 3. – С. 14–19 (0,4 п.л.).

25. Аслабян, Р.Г. Система формальных источников особенной части уголовного права / Р.Г. Аслабян // Общество и право. – 2022. – № 3. – С. 11–16 (0,4 п.л.).

26. Аслабян, Р.Г. Социальные источники особенной части уголовного права / Р.Г. Аслабян // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика политика право. – 2022. – № 4. – С. 193–112 (0,8 п.л.).

27. Аслабян, Р.Г. Формы выражения социальных источников уголовно-правовых предписаний / Р.Г. Аслабян, П.М. Курдюк // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – №1. – С. 166–169 (0,5/03 п.л.).

Статьи в изданиях, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования

28. Aslanyan, R.G. Individualization of punishment in the context of the public's fear of crime / Aslanyan R.G., Konyakhin V.P., Prokhorov L.A., Prokhorova M.L., Petrovskiy A.V. // In the collection: SHS Web of conferences IX Baltic Legal Forum “Law and Order in the Third Millennium”. Kaliningrad, 2021. p. 2–13 (0,5/0,1 p.s.).

29. Аслабян, Р.Г. Формирование и развитие особенной части уголовного права в период X – начала XX в. / Р.Г. Аслабян // Государство и право. – 2021. – № 8. – С. 150–163 (1,0 п.л.).

30. Aslanyan, R.G. Acts of the Constitutional Court of the Russian Federation in the context of intersectoral relations of criminal law / Aslanyan R.G., Intykbayev M.A., Konyakhin V.P. // Theory and methodology of law and law enforcement practice: Collection of materials of the international scientific and practical conference of the RUDN SHS Web of Conferences. – Moscow, 2021. – p. 2–7 (0,6/0,2 p.s.).

31. Аслабян, Р.Г. Понятие и содержание нормативного предписания особенной части уголовного права / Р.Г. Аслабян // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16. – № 1. – С. 82–90 (0,6 п.л.).

Монографии и учебные пособия

32. Аслабян, Р.Г. Информация как предмет и средство совершения преступлений в сфере экономической деятельности: монография / Р.Г. Аслабян Р.Г. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 144 с. (8,3 п.л.).

33. Аслабян, Р.Г. Межотраслевые связи уголовного права: практикум / Р.Г. Аслабян, В.П. Коняхин, Т.Ю. Батютина – Краснодар: Издательско-полиграфический центр Кубанского государственного университета, 2020. – 172 с. (12,7/2,7 п.л.).

34. Аслабян, Р.Г. Структура особенной части уголовного права и ее элементный состав: монография / Р.Г. Аслабян – Краснодар: Издательско-полиграфический центр Кубанского государственного университета, 2021. – 222 с. (14,5 п.л.).

35. Аслабян, Р.Г. Теоретико-методологические основы научного анализа Особенной части уголовного права: монография / Р.Г. Аслабян –

Краснодар: Издательско-полиграфический центр Кубанского государственного университета, 2022. – 184 с. (11, 5 п.л.).

36. Аслаян, Р.Г. Особенная часть российского уголовного права: проблемы теоретического строения и системные параметры: монография / Р.Г. Аслаян – М.: Юрлитинформ, 2023. – 456 с. (28,5 п.л.).

Статьи, опубликованные в иных научных изданиях

37. Аслаян, Р.Г. Взаимосвязь информации как предмета преступлений в сфере экономической деятельности и признаков объекта преступления / Р.Г. Аслаян // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сборник материалов Второй Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.В. Бриллиантова и Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2015. – С. 507–513 (0,7 п.л.).

38. Аслаян, Р.Г. К вопросу о понятии и значении информации в преступлениях в сфере экономической деятельности / Р.Г. Аслаян // Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики: сборник науч. тр. по материалам II Всерос. науч. -практ. конф. / под ред. В.Д. Зеленского. – Краснодар: КубГАУ, 2015. – С. 3–7 (0,4 п.л.).

39. Аслаян, Р.Г. К вопросу о понятии информации как признака составов преступлений в сфере экономической деятельности / Р.Г. Аслаян // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. / под ред. А.В. Симоненко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. – Т. 1. – С. 264–267 (0,3 п.л.).

40. Аслаян, Р.Г. К вопросу о видах информации, используемой для конструирования составов преступлений / Р.Г. Аслаян // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение (к 170-летию со дня принятия): материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова. – Краснодар: КубГУ, 2016. – С. 577–584 (0,6 п.л.).

41. Аслаян, Р.Г. Взаимосвязь информации как средства совершения преступлений и признаков субъекта составов экономических преступлений / Р.Г. Аслаян // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: Сборник материалов Третьей Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.В. Бриллиантова и Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2016. – С. 378–385 (0,5 п.л.).

42. Аслаян, Р.Г. Информация как предмет совершения преступлений в сфере экономической деятельности / Р.Г. Аслаян // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью: сборник науч. тр. по материалам III Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. В.Д. Зеленского. – Краснодар: КубГАУ, 2018. – С. 3–6 (0,25 п.л.).

43. Аслаян, Р.Г. Информация в призме элементов составов преступлений в сфере экономической деятельности / Р.Г. Аслаян // Юридический факультет Кубанского государственного университета: 60 лет служения науке и практике: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: КубГУ, 2018. – С. 600–664 (0,3 п.л.).

44. Аслаян, Р.Г. Соотношение информации как средства совершения и признака субъекта преступлений в сфере экономической деятельности / Р.Г. Аслаян // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 100–102 (0,25 п.л.).

45. Аслаян, Р.Г. Доктринальные подходы к разработке УК РСФСР 1922 г. и 1926 г. / Р.Г. Аслаян // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Краснодар: КубГУ, 2021. – С. 215–222 (0,5 п.л.).

46. Аслаян, Р.Г. Субъект преступлений в сфере экономической деятельности через призму информации как предмета либо средства их совершения / Р.Г. Аслаян, В.П. Коняхин // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). – 2021. – № 10. – С.152–163 (0,3/0,2 п.л.).

47. Аслаян, Р.Г. К вопросу о видах системных связей между институтами особенной части уголовного права / Р.Г. Аслаян // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики-2021: сборник материалов ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2021. – С. 309–312 (0,2 п.л.).

48. Аслаян, Р.Г. Конструкция уголовно-правовой охраны как основа системы институтов особенной части уголовного права / Р.Г. Аслаян // Уголовная политика в сфере противодействия коррупции, терроризму и экстремизму: современное состояние и пути оптимизации (к юбилею М. П. Чубинского): сборник науч. ст. по вопросам уголовного права и процесса первого Ярославского юридического форума в рамках междунар. науч.-практ. конф. – Ярославль: ООО «Филигрань», 2021. – С. 289–300 (0,7 п.л.).

49. Аслаян, Р.Г. Институт и субинститут уголовного права: критерии обособления / Р.Г. Аслаян // 30 лет юридической науке КУБГАУ: сборник науч. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Краснодар: КубГАУ, 2021. – С. 122–128 (0,5 п.л.).

50. Аслаян, Р.Г. Виды институтов особенной части уголовного права / Р.Г. Аслаян // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения: сборник материалов XIII Российского конгресса уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2022. – С. 154–158 (0,3 п.л.).

51. Аслаян, Р.Г. Теоретико-методологические основы исследования институтов особенной части уголовного права / Р.Г. Аслаян // Союз криминалистов и криминологов. – 2022. – № 2. – С. 12–21 (1,5 п.л.).

52. Аслаян, Р.Г. Наука уголовного права и ее социальные источники / Р.Г. Аслаян // Второй Ярославский юридический форум (30 сентября – 1 октября 2022 г.): сборник научных статей по вопросам противодействия преступности / отв. ред. Е.В. Благов, А.В. Иванчин, В.П. Коняхин. – Ярославль, 2023. – С. 191–194.

А с л а н я н Руслан Георгиевич

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Подписано в печать 24.03.2023. Формат 60X84 1/16
Печать цифровая. Объем 2,5 п.л. Тираж 150 экз. Заказ № _____

Тираж отпечатан с оригинал-макета заказчика
в типографии ООО «Просвещение-Юг»
350080, г. Краснодар, ул. Бородинская, 160/5